

Лучшая
актриса года
Елена
ЯКОВЛЕВА

СОВЕТСКИЙ

Экран
8-90

К ИТОГАМ АНКЕТЫ

АВТОПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО

Алексей ЕРОХИН

В нашей буче мы, кажется, начали уже и подзабывать, что мир не без добрых людей. Не без хороших. Сплошные фобии кругом. А между тем, несмотря ни на что, есть они, эти добрые и хорошие, есть.

Вот Наташа Поцелуева из города Балашова, определенно, хороший человек. С чего это я взял? Так ведь она под письмом откровенно и гордо подписалась: «постоянная ваша читательница». Конечно же, замечательный человек. Со здравым вкусом и верными пристрастиями. «Конкурс «СЭ» мне нравится, — пишет Наташа Поцелуева, — он позволяет яснее представлять, что такое советское кино».

Вот и нам наш конкурс нравится: позволяет яснее представлять, кто такой советский кинозритель.

«Экран-89 был очень интересным, на экранах наших кинотеатров появлялись многие отличные

фильмы», — пишет ереванец Симон Атимян, хороший человек, добрый.

«Такого удручающего по результатам киногода в отечественном кинематографе я не припомню», — пишет витебчанин Игорь Купер, хороший человек, требовательный.

Два противоположных мнения — и оба совершенно справедливы, как я понимаю.

Потому что нет двух одинаковых людей, даже если они очень хорошие.

А абсолютной истины все равно не существует. Это только ноль есть абсолютный, да и то, я думаю, он больше придуривается.

Вот и результат нашего с вами конкурса отнюдь не претендует на некую, выражаясь на совдеповском новоязе, истину в высшей инстанции. Вот я вам сейчас одну страшную тайну открою — вы ахнете.

Посмотрите на пятнашку фильмов-лидеров, на их средние баллы. А теперь вот на этот список:

«Ночевала тучка золотая»	4,24
«Леди Макбет Мценского уезда»	4,09
«До первой крови»	4,07
«Защитник Седов»	4,02

Да, эти фильмы получили именно такие средние баллы.

Так что же это, спросите, за дела? Почему же названия этих лент отсутствуют на наших скрижалях?

Дурят нашего брата?!

Вот и я так почти подумал, выудив столь занятные цифры в обильном ворохе статистиче-

ПРОВЕДЕН В 32-й РАЗ

В ответ на вопросы редакцией получено 29703 письма

Обработка анкет
произведена Главным
вычислительным центром
Госкомстата СССР

← Лучший фильм года — Второе место занял фильм →

«ИНТЕРДЕВОЧКА»

«Мосфильм» (СССР),
«Филмсталлет АБ» (Швеция)
Автор сценария В. Кунин
Режиссер П. Тодоровский
Оператор В. Шувалов
Художник В. Коновалов
Музыка П. Тодоровского

«ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ»

«Мосфильм», объединение «Круг»
Автор текста В. Листов
Авторы сценария В. Листов,
Д. Чуковский
Режиссер и оператор М. Голдовская
Композиторы Н. Каретников,
М. Крутойская

Наиболее высокие оценки получили следующие отечественные фильмы:

Название фильма	Количество (в процентах) участников конкурса, оценивших фильм как					
	отлич- ный	хоро- ший	посред- ствен- ный	слабый	неудач- ный	сред- ний балл
1. «Интердевочка»	55,5	29,4	10,6	2,8	1,7	4,34
2. «Власть соловецкая»	45,3	36,2	10,8	6,2	1,5	4,17
3. «Француз»	35,2	44,4	16,9	2,3	1,2	4,10
4. «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви»	51,2	22,6	13,4	7,0	5,8	4,06
5. «СЭР»	34,4	43,3	17,4	3,5	1,4	4,05
6. «Поджигатели»	33,7	43,0	18,3	2,7	2,3	4,03
7. «Куколка»	32,8	42,3	19,9	3,6	1,4	4,01
8. «Игла»	34,8	37,7	20,7	5,2	1,6	3,98
9. «За прекрасных дам»	35,8	35,8	17,7	6,7	4,0	3,92
10. «Опаленные Кандагаром»	35,6	33,1	22,2	5,8	3,3	3,91
11. «Убить дракона»	32,9	38,3	19,2	7,1	2,5	3,91
12. «Фонтан»	37,2	30,9	20,4	7,2	4,3	3,89
13. «Шок»	30,2	40,2	19,8	7,1	2,7	3,87
14. «Роковая ошибка»	26,0	43,9	22,6	5,3	2,2	3,86
15. «Две стрелы»	25,3	42,4	21,5	7,3	3,5	3,78

Третье место занял фильм «ФРАНЦУЗ»

Центральная студия детских и юношеских фильмов имени М. Горького, объединение «Ладья»
Авторы сценария С. Бодров, Г. Данелия
Режиссер Г. Юркова
Оператор А. Ковальчук
Художник Ю. Константинов
Композитор М. Дунаевский

Лучшей актрисой года названа ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА

за исполнение роли Тани Зайцевой в фильме «Интердевочка»
(51,1 процента голосов из общего числа участников конкурса).

Лучшим актером года назван ВИКТОР ЦОЙ

за исполнение роли Моро в фильме «Игла»
(15,4 процента голосов из общего числа участников конкурса).

ских таблиц, которые остаются вне поля вашего зрения. И да простят меня хорошие люди из ГВЦ Госкомстата СССР, но их ведомство, в бытность свою ЦСУ, столько нам мозги пудрило, такой марафет наводило на наш сарай щелястый, что и теперь шестое чувство бла-го-со-сто-я-ни-я по-дозрительно во мне заворчал.

И ошиблось.

Разгадка этой страшной тайны проста как правда.

Представьте: если фильм, допустим, «Бегемот зимы нашей» отмечен только в двух анкетах и в обоих случаях с пятибалльной оценкой, а картина, скажем, «Киска близко» — в двухстах анкетах с оценками самыми разными, сводящимися к среднему баллу 4,98, то какой лучше?

Да оба лучше. Только «Бегемоту» не светит. Он, может, и вовсе шедевр, и через пару веков восхищенные киноакадемики будут плакать навзрыд от счастья и глубочайшего художественного удовлетворения, обнаружив в сусеках пыльного «Бегемота», но мы сегодня аплодируем «Киске». В общем, по-моему, справедливо.

Я, понятно, утрирую — для пущей наглядности. В статистической науке для таких объяснений есть свои термины, да я их не знаю.

Конечно, на величину аудитории того или иного фильма влияют финты и скудоумие нашего болезного зрителя. Или, допустим, фильм, начавший путь по экранам в январе, имеет известную фору перед картиной, вылупившейся в декабре. Хотя тут не исключен и обратный эффект: декабрьская картина — вот она, све-

женькая, на виду, а про январскую, может, и думать забыли. Судьба — особа прихотливая, каверзная.

И вообще «нет в мире совершенства», как вздохнул ушастый Лис у Сент-Экзюпери.

Хотя слегка усовершенствовать наш конкурс в будущем, мне кажется, можно: пристегнув к нему опрос по той же схеме профессиональных кинокритиков. Любопытное получится сопоставление, и вы отчасти поймете, чем кинокритик отличается от нормального человека. И в какую сторону.

Критики, правда, тоже люди. И если в верхней части «турнирной таблицы» у них будут расхождения со зрителями, то что касается аутсайдеров, тут единодушие, думаю, обеспечено. Во всяком случае, прочитав список пятерки фильмов, оказавшихся «на дне» успеха, я порадовался за зрительский вкус (наших, между прочим, читателей, добавлю не без местечковой гордости).

А глядя на перечень пятнадцати лидеров, я пожалел об отсутствии здесь только одного фильма — «Муж и дочь Тамары Александровны».

Нет, дело не в личных пристрастиях: например, субъективно я весьма ценю «Анемию» и «Мерзавца», однако среди лидеров массового спроса им явно нечего делать. А вот «Муж и дочь Тамары Александровны», как мне кажется, объективно содержит в себе боль и свет и «СЭРа», и «Поджигателей», и «Куколки», и «Роковой ошибки», но более концентрированно и выразительно. Видимо, как раз это достоин-

ство и вышло в опросе для ленты боком. Помню свое ощущение после «Мужа и дочери...» — ох и гнузно же было на душе, и понадобилось усиление сознания, чтобы не поморщиться досадливо на врача, предложившего такое горькое лекарство. К тому же в четырех перечисленных фильмах нам предупредительно подставлены мишени нашего сочувствия — самолюбивая гимнасточка или рыжий косящий мальчонка-беглец, — а повстречавшись с «Мужем и дочерью...», мы малость недоумеваем: кому больше-то сочувствовать: мужу? дочери? Тамаре Александровне? Или же — себе самим? Мы же все-таки привычно ждем от фильма подсказки, шпаргалки, нравственного суфлерства... Так что прекрасно понимаю данный зрительский не-выбор.

Иронически кукует судьба-индейка с запяток «Нашего бронепоезда»: кабы вышел он со своего запасного пути годом раньше, то и публицистический его заряд прозвучал бы громче и ваше внимание соответственно оказалось бы куда выше. Но поезд ушел: я имею в виду ушедший вперед «пятсот веселый» поезд нашего общественного мнения, за которым «Наш бронепоезд» следовал уже вдогонку. То есть мы — хочется верить — уже умнее, чем фильм предполагал.

В общем, можно сказать, что результаты нашего конкурса — это автопортрет неизвестного, сложенный из процентов ваших симпатий и антипатий. Ваш, дорогие и уважаемые, автопортрет.

Мы сейчас в приступе правды-матки столько всяких неллицеприятных и бесцеремонных слов

В ЧИСЛЕ ЛУЧШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ФИЛЬМОВ ГОДА ЗРИТЕЛИ НАЗВАЛИ:

1. «Роман с камнем» (США)
2. «Крокодил Данди-II» (Австралия)
3. «Побег» (Франция)
4. «Однажды в Америке» (США)
5. «Брак по-итальянски» (Италия)

ОТДЕЛЬНО В КОНКУРСЕ УЧАСТВОВАЛИ ФИЛЬМЫ Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Китая, КНДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии.

СРЕДИ НИХ ПРИЗЕРАМИ СТАЛИ:

1. «Ловушка для кошек» (Венгрия)
2. «13-я невеста принца» (Болгария)
3. «Принцесса-павлин» (Китай)
4. «Хон Гиль Дон» (КНДР)
5. «Чудесный лес» (Югославия)

Наталья Андрейченко
(«Леди Макбет Мценского уезда»)

Второе место заняла Наталья АНДРЕЙЧЕНКО

за исполнение роли Катерины в фильме «Леди Макбет Мценского уезда» (7,5 процента голосов из общего числа участников конкурса).

Второе место занял Александр АБДУЛОВ

за исполнение роли Сергея в фильме «Леди Макбет Мценского уезда» (11,7 процента голосов из общего числа участников конкурса).

Лучшей зарубежной актрисой года названа Лайза МИННЕЛЛИ

(«Кабаре»)

Лучшим зарубежным актером года назван Майкл ДУГЛАС

(«Роман с камнем»)

Зрители также в числе лучших актеров года назвали:

- О. Борисова, Н. Гундареву, Т. Друбич, Н. Лапину, А. Панкратова-Черного, А. Самохину, Е. Сафонову, Л. Филатову, О. Янковского, Л. Ярмольника

Александр Абдулов
(«Леди Макбет Мценского уезда»)

Наиболее низкие оценки получили следующие фильмы:

Название фильма	Количество (в процентах) участников конкурса, оценивших фильм как					
	отличный	хороший	средственный	слабый	неудачный	средний балл
1. «Корабль»	7,8	19,6	22,6	28,3	21,7	2,63
2. «Эти... три верные карты...»	7,3	16,8	32,8	27,0	16,1	2,72
3. «Житие Дон Кихота и Санчо»	8,2	18,5	29,7	26,5	17,1	2,74
4. «Осень, Чертаново...»	5,2	27,3	37,3	19,9	10,3	2,97
5. «Новые приключения янки при дворе короля Артура»	13,6	22,8	28,0	20,6	15,0	2,99

Редакция благодарит сотрудников отдела по эксплуатации клавишных вычислительных машин и подготовке данных на ЭВМ Главного вычислительного центра Госкомстата СССР: заведующую отделом Л. И. Котляр, экономиста Л. С. Проферюк, операторов Т. В. Серикову, Л. Н. Анашкину, Т. Н. Киселеву, Е. А. Фомину, С. В. Романову, Н. Н. Райкову, В. И. Жучкову, И. В. Румянцеву, Н. Н. Орлову, Н. К. Федосееву, Л. К. Пономареву

о себе самих говорим, изживая скудоумно-лицемерный лозунг «Слава советскому народу!», что, шарахнувшись из одной крайности в другую, совсем, кажется, дело запутали и плохо себе представляем, о ком речь. Прямо хоть всесоюзный плебисцит устраивай по вопросу: а мы вообще-то кто? Так вот, полагаю, наш конкурс в какой-то мере помогает эту загадку разрешить.

Еще раз посмотрите на список пятнадцати самых популярных фильмов, и многое станет понятно, и справедливое окажется лозунг одного из недавних московских митингов: «Михаил Сергеевич, не бойтесь нас».

Итак, мы прежде всего и невзирая ни на что все-таки гуманны, и милость к падшим в нас сильна, и интерес к нестандартным жизненным положениям, и не прочь мы слегка погрезить, заодно и чуть всплакнув. Именно так я расцениваю победу «Интердевочки». А вы не согласны?

Да, вижу, что не все. Вот, к примеру, москвич Ю. Сендюков пишет нам так: «Раньше героями фильмов были рабочие, труженики села, трудовая интеллигенция, воины Сов. Армии. А сейчас? Героями фильмов стали проститутки и сутенеры, отъявленные организованные хулиганы, бандиты и фарцовщики, импотенты... Об этих «арлекинах» не надо ставить фильмы, а вручить им кайло в руки и послать в шахты, а вашу интердевочку надо послать на стройку, а не захочет — вон из Союза!»

Ну, интердевочки, прочтя это, наверняка радостно зааплодировали — до того чутко тут угаданы их сокровенные чаяния. А я вот призадумался: хулиганы да бандиты — с ними все ясно,

а вот как быть с подлыми и злокозненными подрывниками генофонда нации — с импотентами то бишь? Может, сразу их, паскудников, в распыл? А может, отдать их на перековку интердевочкам — пушай потрудятся на благо отечества? Тут, видимо, есть над чем подумать очередному Съезду народных депутатов, учитывая бесплодность многих их потуг.

Продолжим, впрочем, беглый анализ зрительского автопортрета. Итак, далее: мы вдовок не страдаем историческим маразмом и ценим уроки прошлого («Власть соловецкая»), участливы к судьбам наших меньших и готовы понять их страдания за любыми гримасами («СЭР», «Поджигатели», «Куколка», «Роковая ошибка»), подлое, жалкое свое состояние осознаем и даже можем посмеяться над скверным анекдотом нашего бытия («Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви», «Фонтан»), не чужды идеалов социальной справедливости («Опаленные Кандагаром», «Шок») и некоторой философичности («Убить дракона»), а уж поразвлекаться и рады бы, да мало для этого возможностей («За прекрасных дам»).

Похоже?

А вот еще характерный штрих, видимый в этом автопортрете: вполне развитое эстетическое чувство. Во всяком случае, можем отличить претенциозное умничанье (ау, «Корабль», ау, «Осень, Чертаново...», ау, «Новые приключения янки при дворе короля Артура») от умной претензии — «День ангела» и «Жена керосника» находятся в пристойной середине итоговой разблюдовки.

Вполне симпатичный получается автопортрет, не правда ли?

Примечательно, что высок интерес к хорошему документальному кинематографу: второе место у «Власти соловецкой». И, между прочим, заглянув в расклад оценок пятнадцати лидеров по возрастным категориям, я обнаружил, что зрители от 21 до 55 лет предпочтению отдают именно «Власти соловецкой». И вспомните-ка теперь прошлогодний успех фильма «Риск» (3-е место), а до того — ленты «Легко ли быть молодым?» — отрадная тенденция.

А «Интердевочка», выходящая, завоевала лидерство за счет оценок более юных экспертов (но, добавлю, не самых юных — те больше всего балдеют от фильма «За прекрасных дам»). Что ж, нормально, ведь юные — взгляните на табличку возрастов — это главная публика.

Успех «Интердевочки» был точно запрограммирован авторами этого талантливого ширпотреба, которые явно не забыли про бешеный успех одного из немногих наших кинобестселлеров — фильма «Москва слезам не верит». Мы получили «сон золотой» новой формации, участвующий общественной психологию. Масса удовольствий.

Удовлетворен любопытство: а как они, эти девки валютные, свои дела проворачивают?

Удовлетворена наша стыдливость, плавающая в невесомости меж целомудрием и ханжеством: эротика-то или, боже упаси, сексу в фильме ведь ни на грош — и мы вздохнули облегченно.

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА (в процентах)

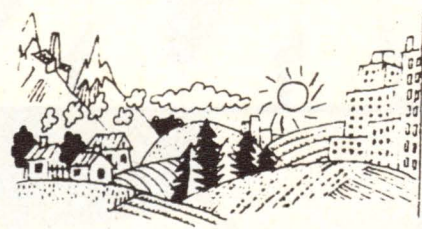
СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рабочие	13,7
Колхозники, рабочие совхозов	0,4
Служащие	36,8
Учащиеся школ, техникумов	29,4
Студенты вузов	16,8
Пенсионеры	1,2
Домохозяйки	1,8

ПОЛ

Женский	55,2
Мужской	44,8

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА

Село	6,6
Небольшой город	19,6
Областной центр	22,2
Город с населением более ста тысяч человек	27,3
Столица республики	9,3
Москва, Ленинград	15,0

ОБРАЗОВАНИЕ

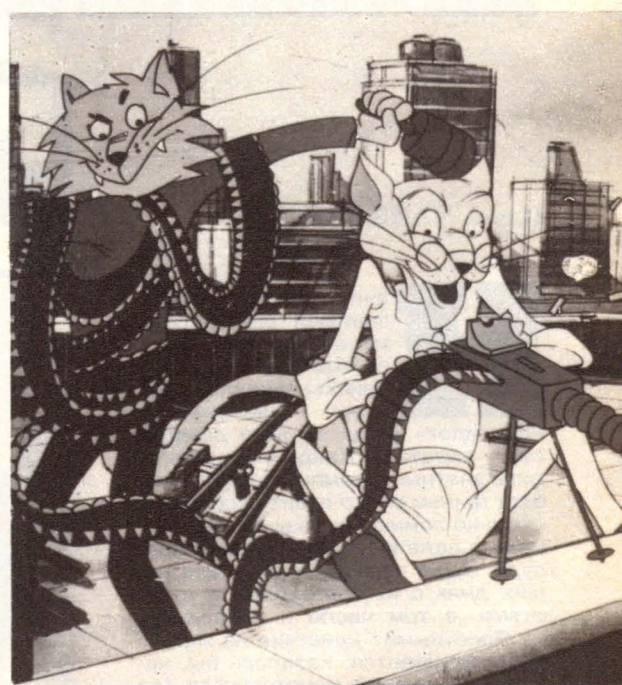
До 8 классов	2,2
8—10 классов	33,0
Среднее специальное	26,7
Незаконченное высшее	17,4
Высшее	20,7

ВОЗРАСТ

Менее 14 лет	1,0
14—17 лет	19,7

18—20	24,7
21—24	24,6
25—30	17,2
31—40	7,9
41—55	3,9
Свыше 55 лет	1,0

«Ловушка для кошек»

«Роман с камнем»

ФИЛЬМЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПРОСЯТ ПОКАЗАТЬ ЗРИТЕЛИ

«Близнецы»
«Веселые ребята»
«Весна»
«Весна на Заречной улице»
«Война и мир»
«Золушка»

«Иван Грозный»
«Калина красная»
«Любить человека»
«Неподсуден»
«Петр Первый»
«Разные судьбы»

«Роман и Франческа»
«Тишина»
«Цирк»
«Человек ниоткуда»
«ЧП»

Удовлетворена сочувственностью: ну повезло все-таки девке, а швед-то хоть лысый, зато какой приличный, не то что мой идол, храпит, зараза, под боком...

Удовлетворено, простите, и советское чувство семьи единой: не нужен нам берег турецкий и стол шведский, хватит кайф заморский ловить, давай-ка сюда, к нам, по гилбумо шоссе, да так, чтоб «вольво» ихний вдребезги, — вечный, понимаете ли, зов. Представьте-ка: если бы весь этот сентиментальный аттракцион закончился хэппи-эндом и зажила бы Танечка Зайцева в енттой Швеции припеваючи — ох не по нутру нам бы это пришлось. Зазря, что ль, мы под Полтавой их били?

Да-да, это тоже — мы.

И, конечно, невозможно вычислить в конкретных цифрах ту лепту, которую внесла в успех фильма Елена Яковлева, столь триумфально победившая в нашем конкурсе. Добавлю для вашего сведения: ее признали лучшей актрисой года зрители всех возрастов!

А вот мужской наш лауреат — Виктор Цой котировался более всего у публики до 24 лет. В 25—30 лет вы предпочитаете уже Абдулова, в 31—40 — отдаете предпочтение Янковскому, а после сорока нет никого лучше Олега Борисова. Совершенно естественный расклад. (Мой-то фаворит, замечу по секрету, Мамука Кикалейшвили).

Как-либо комментировать фильмы-победители по разряду социалисти... то есть, простите, не знаю уж, как поточнее выразиться, ну, в общем, всяких таких вот стран я не буду по той простой

причине, что попросту не знаю, о чем тут речь и стоит ли вообще ее вести, учитывая нашу все еще странную закупочную политику в этих краях. Вот с западными картинами все ясно: да, жаль, что вы недооценили «Кабаре» — зато привели Лайзу Миннелли, да, жаль, что «Однажды в Америке» только на четвертом месте, — но, дорогие мои, как же прекрасно понимаю я вас, от души хохочущих на «Романе с камнем» и «Крокодиле Данди-II»! И это пускай фильмосытые американцы ставят «Пурпурную розу Каира» в десятку лучших картин последнего десятилетия — нам не до тонкостей, нам бы мороку нашу стряхнуть да часок повеселиться, забыв хоть ненадолго про ежедневные наши пакости, господи ты боже мой!

Многие наши читатели об этом пишут.

18-летняя волгоградская студентка Владислава Селина: «По-моему, наши киношники наотрез отказываются развлекать несчастного советского зрителя, которому хочется отдохнуть, развлекаться. Проблем хватает и без вас».

«Маленький средненький зритель из толпы таких же» — так определил себя Д. Мартыно из села Благодарное Новосибирской области, а пишет он вот что:

«Это ли требуется зрителю? Ему суют все те же проблемы, ту же грязь, только в художественно переработанном виде с целью большего воздействия на чувства зрителя — все того же бедного, загнанного своими проблемами среднего человека-работяги».

Как видите, одна и та же печаль и в городах, и в весях.

Ну что тут скажешь?

Можно, конечно, стукнуть кулаком по столу и рывкнуться: а ну-ка, такие-сякие, даешь комедии народу! А то, ишь, зачернушились!

Но не стукну, не рыкну. Сценаристы да режиссеры — они ведь не злыдни какие, не гадкие негодяи, которых хлебом не корми — дай только сунуть бедного человека-работягу в его же проблемы и в его же грязь. Они ведь тоже люди. И тоже советские. И тем же пыльным мешком по голове шарахнутые.

Все образуется. Главное — без паники. Уж вы-то, дорогие и хорошие, хоть не переживайте. Оставьте эту печаль критикам, которые сейчас то и дело профессионально завывают, заламывая руки: ах-ах, кризис кинематографа! Такая, видите ли, трагедия, будто талоны на сахар потерял. Любое живое дело разве без кризисов бывает?

А эти страхи мне лично напоминают один смешной фрагмент из мемуаров Шкловского. Брюсов все говорил: «Боюсь, что из Маяковского ничего не выйдет». И вот Маяковский очень забавно показывал, как Брюсов спит и ночью просыпается с воплем:

— Боюсь, боюсь!

— Ты чего боишься?

— Боюсь, что из Маяковского ничего не выйдет!

Так что спите спокойно.

Все будет.

А может, и не все.

На Марсе вот вообще жизни нет. И ничего — живут.

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Начало традиционно: сколько раз видели мы в кино залы суда, пустые (пока еще) судейские кресла, слышали неизменное «суд идет» (куда от него денешься) — кстати, в жанре уже накопились знатные штампы. Но для меня этот фильм резко стоит особняком: сколько помню, ни разу еще не звучали в зале кинематографического суда такие серьезные мысли о наших днях с их трагедиями и страстями, в том числе и яростными.

Яростными? Действие на экране разворачивается, казалось бы, напротив, в некой монотонности (да и на самом деле монотонны бывают судебные процессы), но представленное нам киноисследование пронизано не только горячим чувством — бунтом мысли. Перед нами попытка взорвать слежавшиеся представления, в частности, и о том, «кто виноват» и что такое пресловутый «образ врага». Общественное сознание едва ли не сплошь поражено сыскной лихорадкой, страстным желанием найти наконец виновника всех наших социальных бед — и жаждой мести, чувством, кстати, общественно бесплодным, если не прямо вредным. Все эти «Позор!», «К ответу!» и прочие возгласы, колышущие нынче тысячные митинги, конечно, истины прояснить не могут.

Кто же они, сидящие на скамье подсудимых работники торговли? Виноватые? А если виноватые, то насколько? Никто — ни авторы, ни их персонажи, включая самого судью, — понять этого не может.

Наша торговля — самая невероятная в мире, поскольку решительно невероятно ее цель: скрыть товары от покупателя (согласитесь, такого нигде в мире не было, нет и не будет!). Слагалась эта система сама собой, повинувшись законам социалистической экономики, но вместе с тем усердно сколачивалась и аппаратом. Конечно, продавцам сознательно была установлена зарплата, на которую невозможно прожить и тем более содержать семью — явный расчет на то, что торговцы должны жить, питаться непосредственно за счет покупателя (обвес, обмер и многое другое); по существу, произошло возобновление древнего института «кормлений», когда воеводы и прочие должностные лица государства допетровской эпохи законно обирали население (может быть, эти «кормления» так легко привились, оттого что в сознании и аппарата, и самого народа еще немало осталось феодального). Словом, работникам торговли дали «добро» на самый наглый грабеж. На подобной социальной почве тотчас надстроилась целая иерархия мздоимцев, осуществлявшая свои поборы, тоже освященные обычаем: торговая сеть должна была платить всем и за все, начиная с грузчиков и шофера, доставляющих товары, и кончая министром и торговым отделом ЦК.

Именно об этом говорит нам фильм: людей заставили работать в системе, где преступление изначально запланировано. И речь тут, конечно, совсем не только о дан-

ТЯЖКАЯ

Амелин — В. Стеклов, его жена — А. Мещерякова

БОЛЕЗНЬ

**О фильме
Алексея Симонова
и Анатолия Гребнева
«Процесс»,
честно говоря,
надо было бы
писать
исследование,
настолько глубоко
взяты тут
проблемы нашей
сегодняшней жизни;
в небольшой
рецензии
можно только
на них указать.**

ном частном социально-экономическом участке жизни, но о вопросах более общих и глубоких. Естественная человеческая жизнь в неестественных, нет, в откровенно противоестественных условиях существования.

На скамье подсудимых пятеро — пять характеров, пять позиций, каждая из которых — какая-то сторона проблемы. Один, Жильцов, явно не виноват, он оказался в системе торговли случайно и был втянут в общепреступную жизнь, о которой ничего не знал. В другом, Шилове, мы ясно чувствуем преступника, скверного человека, и на суде он пытается выслужить себе смягчение приговора, оговаривая начальника треста Игнатия Сергеевича Рунича. Этот, по замыслу в сценарии, был главным героем. На его оригинальном, твердом характере и в фильме также многое

основано. В суде он поднимается спокойно, отвечает с достоинством, и когда прокурор (при радостной поддержке зала!) глумится над ним своими вопросами, мы ясно ощущаем, что правда не на стороне прокурора и не на стороне зала; в нас крепнет убеждение, что человек этот не виноват. Свидетель Аверьянов показывает, что дал Руничу деньги. «За что, — спрашивает судья, — за какие привилегии?» «От Рунича выговор только, вся привилегия», — отвечает Аверьянов. Другой свидетель, Панков, которого следователь заставил Рунича оговорить, на суде отказывается от своего оговора и объясняет, что его арестовали больного, с высокой температурой, и теперь ему стыдно...

— Не мучайтесь, Панков, — вдруг обрывает его Рунич. — Не мучайтесь. То, что вы показали на

следствии и на очной ставке, — это чистая правда.

Почему он, явно не бравший взятку, вдруг признал себя виновным? — на этой загадке в сценарии держится интерес читателя. И загадка важна: Рунич не взяточник, но через него текли теневые преступные деньги. В фильме этот характер, увы, не получил той силы, какой обладал в сценарии. В. Самойлов играет Рунича с неким оттенком «кубанских казаков», в его герое больше фанаберии, чем понимания и глубокого осознания преступности всей той системы, которой он служил. Может быть, потому мысль, которую он высказывает и которой как бы подводит черту: «За все надо платить, даже за время, в которое живешь», звучит отвлеченно и риторически.

Нет, нам ближе и понятней Ломакина (М. Полицеймако) — толстая, смятенная, расхристанная, она рыдает от сознания своего позора и вины, которую в то же время яростно отрицает. Да, она брала, но ее-то расходы — милиция, ревизоры, санинспекция — всем дай. Райком, обком, делегации — всем дай, дай, Алла, дай. Да, конечно, и она сама жила весьма безбедно, но сколько же приходилось давать!

Так и качаются весы справедливости — от убеждения Рунича («все мы виноваты») до слепого отчаяния Ломакиной («всем дай!»). «И это было до нас и будет после нас», — скажет Ломакина в своем последнем слове.

И когда несчастная, растрепанная толстуха на своих опухших ногах еле влезает в «автозек», за решетку, словно в клетку зверь, чтобы на долгие годы — на восемь лет — отправиться в мир лязгающих замков и запоров, нам за нее страшно. Потому что страшен этот мертвенный мир — авторам фильма прекрасно удалось показать ту пропасть, которая отделяет его от живой жизни. Гулкие коридоры, тесные «боксы» — нечто вроде стенных шкафов, куда загоняли заключенного (кстати, теперь они заперены приказом министра МВД В. В. Бакатина), окриков «руки назад!» (кстати, и этот уничижительный обычай — требовать, чтобы заключенный держал руки за спиной, перенятый нами у фашистов, — его тоже пора отменить, он оправдан только по отношению к опасным рецидивистам), — увидев этот мир неволи, мы особенно остро ощущаем всю глубину трагедии: сперва людей поставили в условия, когда им невозможно работать, не совершая преступлений, а теперь под радостное улюлюканье толпы их отправляют в не-жизнь.

Впрочем, тема толпы, самосуда в фильме проведена неясно — произошло это, возможно, потому, что он создавался в ту пору, когда эта тема еще не встала во всей ее опасности: еще не было многотысячных митингов, требующих (как, кстати, это происходило в 30-е годы!) суровых кар и тяжелых приговоров. В фильме представлена другая опасность — давление сверху, когда не приказывают, нет, но убедительно просят «этого дела не затягивать», правда, уже со ссылкой на «общественное мнение» (кстати, не раз, когда поднималась очередная волна борьбы с коррупцией, начальство, само сильно коррумпированное, легко отдавало на съедение «общественному мнению» тех или иных своих работников). И вот уже здесь телекамера со своим молчаливым приговором. И хотя дело рыхлое, плохо расследованное, доказательств не хватает, судья, все это отлично понимающий, приговаривает всех пятерых. В том числе и явно невиновно-

го Жильцова. Это именно Жильцову принадлежат слова, которые знаменуют собой вторую, может быть, самую сильную тему фильма. Прокурор в своей речи повторил обвинительное заключение. «Зачем же тогда понадобился суд? — спрашивает Жильцов. — Можно было бы обойтись без суда, пусть уж тогда прямо следователи нас и судят». В самом деле, если показания подсудимых и свидетелей судья неизменно проверяет — не материалом, добытым по делу, а их собственными показаниями на предварительном следствии (тогда, мол, они говорили правду), если доводы адвокатов судьи вообще не услышали, зачем тогда действительно понадобился суд?

Главной фигурой фильма становится следователь — в значительной степени благодаря великолепной игре В. Стеклова. Стеклов играет тип следователя наихудшего образца, увы, весьма распространенный за время сталинщины, когда «органы не ошибались», и застоя, когда они были почти так же безнаказанны. Этот тип прочно сложился и вошел в общественное сознание, совершенно заслони собой других работников следствия, именно тех самых, кто защищает нас от преступного мира. Эти рабочие кони правосудия работают на износ. Наш кинематограф их еще не видел. Высокие профессионалы, мастера. Им некогда головы поднять от материалов одного дела, как уже следует другое. Им некогда бегать по митингам и вертеться перед телекамерами. Они у нас малоизвестны, а большей частью и вовсе не известны — зато следователь Амелин, герой фильма «Процесс», замечен давно, да и как его не заметить, если он ломает судьбы ни в чем не повинных людей, если он, сколачивая «липовые» дела, создает видимость борьбы с преступностью, от чего истинные преступники, чувствуя свою безнаказанность, нагнетают до невероятности. Авторы фильма с точностью ухватили этот тип, они только не знали еще, что он высоколетит на митинг, станет играть в самые левые игры, под прикрытием их требуя возвращения к тем самым порядкам, когда действительно «обходились без суда», когда следователь за закрытыми дверями своего кабинета фактически решал судьбы людей. Словом, образ следователя наихудшего типа выдвинулся в фильме на первый план более чем закономерно.

Стеклов играет человека азартного, лихорадочного, чуть-чуть даже с оттенком припадка; вооруженного «приемами следствия», отработанными в течение десятилетий. Авторы фильма, надо отдать им должное, хорошо изучили вопрос и вполне постигли саму технику фальсификации. Приемы действительно отработаны тут до блеска. Немолодую женщину уговаривают дать показания на Коломийцева — зама Рунича, объясняют: ему уже никак повредить невозможно, он уличен. А вот о себе подумать следует: на нее даны показания, к тому же есть статья о явке с повинной, которая сильно смягчает ответственность, «так что давайте, берите ручку (это говорит судья добродушно), пишите и ступайте к дочкам». Женщина сидит неподвижно, словно бы даже бесчувственно, но мы знаем, в душе ее ужас, она не в состоянии пойти на оговор, но сознает угрозу (и это добродушно упоминает о дочках!). Сознание ее не выдерживает, она падает в обморок, и мы понимаем: очнувшись, она подпишет все, что угодно.

Замечательная по точности сцена с заключенным Коломийцевым.

Он только что дал показания на суде, следовательно хвалит его, отлучно, мол, в суде выступил, а тот это без робости напоминает: ему за это выступление обещана свобода. Да, следователь не отрицает, он обещал, но теперь положение изменилось, на Коломийцева даны показания, и серьезные... Боже мой, сколько раз приходилось мне слушать о таких приемах от тех, кто побывал в кабинетах подобно рода следователей! Одному арестованному следователь поклялся (партбилетом, между прочим, поклялся!) отпустить его, если он частично признает вину. Тот признался, подписал, а следователь в ответ на просьбу отпустить расхотался ему в лицо. Отпустить? Чего захотел — это был тактический прием.

Амелин из той же стаи. Фильм раскрывает нам главные пружины его характера. Он ощущает себя неудачником: еще совсем молодым рвался он наверх, в аспирантуру и выше по иерархии, но его обошла «чья-то внучка». С тех пор и жжет его «комплекс»: ненависть к тем, кто больше преуспел, и жажда занять место в их ряду. Вот почему он так упорно добивается от вызванных им людей показаний на некоего Четвергова (какое-то крупное начальство из Москвы), удивляясь тем самым две свои главные страсти — жажду мести и жажду власти. В полной красе обнаруживается этот характер в ту минуту, когда оказалось, что дело, им почти уже скомоченное, перехватывает у него его начальник-прокурор. Какое бешенство, какая лихорадка сжигают этого деятеля правосудия, который давно уже забыл, что такое право и правда.

Амелин с еще одним следователем стоят перед свежей могилой (венки, цветы, еловые лапы, видно, только что отсюда ушли родные и близкие) и рассуждают о том, что усопший здорово их надул тем, что умер. Мы не знаем, кто в земле, скорее всего виноватый, но мы особенно ясно осознаем несовместимость искореженного, перекошенного сознания этих людей (которые, начинает казаться, уже и людьми-то быть перестали), их представления о жизни (и смерти) с самой истинной жизнью (и смертью).

Благородна и сдержанна стилистика фильма. Детали его скупы и тем самым особенно значимы. Запоминаются те, что говорят об атмосфере обыденности и равнодушия, в которой идет эта трагедия: лжеследствия и лжесуда. Судебное здание ремонтируют, и ноги рабочих во время процесса все время мелькают над головами судей; нищенская обшарпанность храма правосудия знаменует собой заброшенность самой этой области правосудия, самой судебной власти — ситуация невозможная в правовом государстве!

Ребята из конвоя, спокойно обещающие: какое им дело до подсудимых? Но они и не обязаны вникать в суть процесса, а вот заседательница... Перед тем как выйти в зал, она смотрит в зеркало; и в ходе процесса была она нам подозрительна, а тут пустая душа ее разоблачена совершенно. Когда судьи ушли в совещательную комнату, председательствующий спросил у заседателей, жалко ли им подсудимых. «Жалко», — ответил мужчина. «Нет», — ответила женщина. И опять авторы фильма, увы, оказались точны в своем диагнозе. Один председатель суда провел как-то эксперимент: дал читать некое судебное дело всем своим судьям, чтобы каждый вынес по нему воображаемый приговор — и был поражен, насколько женские при-

говоры оказались свирепее мужских. Очерствели в наше время женские сердца? Или всегда таково было соотношение (недаром злые помещицы во времена крепостного права были страшней злых помещиков)?

Но этой жестокости, этому равнодушию в фильме противостоит замечательный образ (почти незаметный в сценарии) молодой женщины — адвоката. Образ мятущейся, страдающей и сострадающей женщины (ее отлично играет актриса Г. Щепетнова) несет большую нравственную нагрузку (и если судья жжет стыд, то именно потому, что на него смотрит адвокат Глушкова); еще ярче высвечивает главную мысль фильма: надо, надо менять всю эту бессмысленную и злую систему!

Но, представьте, самое большое потрясение ждало меня, когда фильм кончился и зажгли свет. Рядом со мной сидела молодая, с виду интеллигентная женщина, завязался разговор, и оказалось, что все проблемы, с такой болью поднятые авторами, все дорогие им мысли, все страдания, которые они показали в своем фильме, — все это прошло мимо ее сознания. То есть совершенно. Она была нежно озабочена одним — огорчениями следователя, да, да, она была целиком на его стороне и единственно, что увидела в фильме: с ним, бедным, поступили несправедливо, перехватив у него дело. То, что само это дело являет собой липу (и тут вор у вора дубинку украл), что построено оно на насилии, на лжи, на страданиях — всего этого она не заметила совершенно. Как же это случилось, что нормальный человек не услышал того, что так внятно, так ярко рассказал ему фильм? А потому случилось, что в голову этой женщины намертво впаивана схема, утвержденная нынешней митинговой пропагандой: следователь — главная фигура правосудия и всегда прав. Я предвижу, что «массовый зритель» может разделить эти взгляды. Удивительные превращения произошли с сознанием общества в эпоху гласности; казалось бы, сама гласность показала, как опасны эти безнаказанные следователи, никак не связанные к тому же ни личной культурой, ни совестью; сколько трагедий прошлых и настоящих открылось сегодня общественному сознанию. И вот теперь, отлично зная, что творилось в иных следовательских застенках, оно вдруг создало (или позволило навязать себе) культ того самого следователя, безнаказанного, ничем не брезгующего (в борьбе с коррупцией, мол, все средства хороши), новый культ насилия. Ничему не научились?

Таким образом, фильм, созданный хотя и недавно, но все же совсем в иной духовной атмосфере и, казалось бы, попавший в совершенно иные условия, приобрел в них новую просветительскую силу. Если раньше он сказал бы «задумайтесь», то сейчас он скажет многим: «Опомнитесь!»

Время социальных тревог всегда требует именно просветительской работы, терпеливого труда, подобного труду сестер милосердия, которые выхаживают больных после серьезной операции или тяжелой болезни.

ПРОЦЕСС

«Мосфильм»

Автор сценария Анатолий Гребнев
Режиссер-постановщик
Алексей Симонов
Оператор-постановщик
Николай Васильков
Художник-постановщик Лев Грудев
Композитор Вадим Биберган

Лауреат — Владимир Гостюхин...

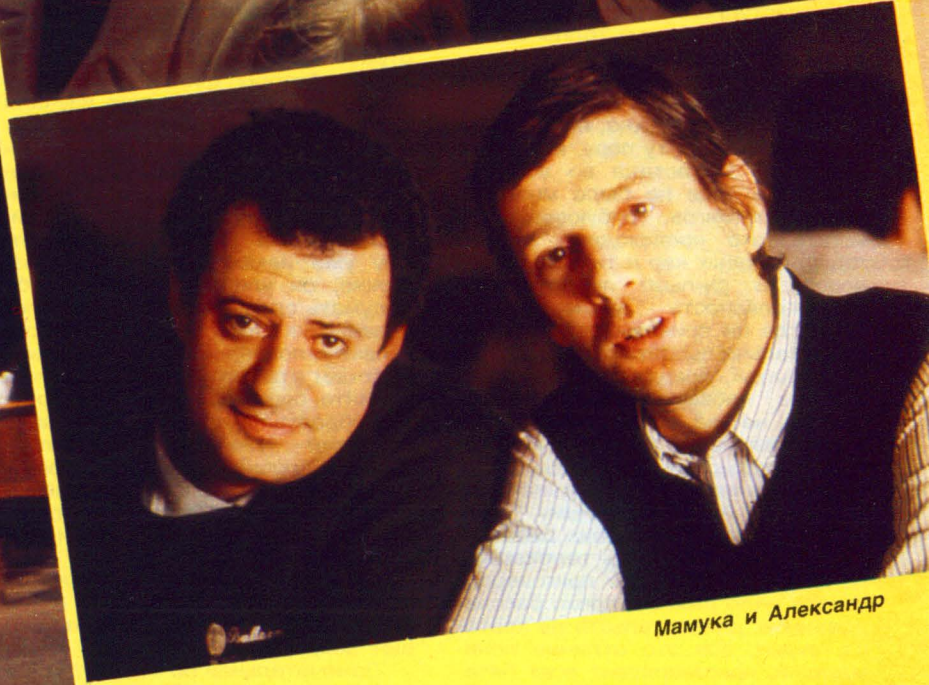

«СОЗВЕЗДИЕ-90»

Город, так искренне радовавшийся первому приезду популярных кинозвезд, и на этот раз старался как мог. Но калининцы аплодировали актерам и... игнорировали фильмы, в которых эти актеры снимаются.

Нурмухан Жантурин с призом за выдающийся вклад в киноискусство

Мамука и Александр

Вся любовь — Ирине Бяковой

Олег Янковский.
Полеты не во сне, а наяву

Нет повести печальнее на свете,
чем «круглый стол»
в Калининском Совете

Нонна Мордюкова
и Александр Ширвиндт.
Вечер памяти Андрея Миронова

А это — я!
Украинская актриса
Виктория Корсун

Необыкновенный матч —
сборная звезд кино
против сборной звезд футбола

Миллион за улыбку
Натали Фатеевой

Елена Серопова. Хороша!

Вереница пасмурных дней

Помню, как мы уезжали из Калинина год назад. Помню, как мы писали о Калинине год назад. Первый Всесоюзный актерский фестиваль запомнился всем упоительным безумством, солнечным безграничным оптимизмом. Казалось, теперь у актеров все будет хорошо — будут «звездные» роли, не будет простоев, решатся проблемы быта...

Мы уезжали тогда из Калинина, уверенные, что на будущий год нас ожидает еще более замечательный фестиваль, хотя и не знали точно, где он пройдет. Уверены были также, что столица первого актерского «Созвездия» вот-вот изменит имя и снова станет Тверью. И нам в этом виделся символ возвращения к традициям, к здравому смыслу. Недавно этого хотело большинство горожан, недаром две сотни актеров под-

писали тогда воззвание за переименование 800-летнего города.

Прошел год, и мы вернулись в Калинин.

ГОРОД

Он так и не стал Тверью. Словно радуясь этому обстоятельству, хихикал и ерничал с экрана Всесоюзный староста, попавший в конкурсную программу фестиваля («Пыри Валтасара, или Ночь со Сталиным»).

Другой столицы «Созвездие» не нашло. Организаторы фестиваля искали ему прописку и во Владимире, и в Ярославле, но в конце концов снова вернулись в Калинин. Город, так искренне радовавшийся первому приезду чуть ли не всех популярных советских киноактеров, город, прекрасно принимавший «Созвездие-89», и на этот раз старался как мог. Четкая работа фестивальных служб, у подъезда гостиницы «Волга» толпы охотников за автографами, программы, встречи, концерты шли с аншлагом...

Многие, но не все. Были и провалы. Как ни странно, наименьший интерес калининцы проявили собственноручно к советскому кино. Зрителями конкурсных просмотров в главном фестивальном зале нередко оказывались лишь члены жюри.

Калининцы аплодировали актерам и игнорировали фильмы, в которых эти актеры снимаются. Калининцы торопились на местный пешеходный Арбат, переименованный на неделю в «Фестивальную улицу», чтобы взглянуть на кумиров, поговорить с ними. Но куда больше привлекали их разгоравшиеся тут политические дискуссии, тексты листовок и манифестов, бойко заклеивших фестивальные плакаты, вмиг раскупавшиеся самиздатовские газеты. Да и магазины привлекали, хоть и не сказать, что ломились от товаров...

Словом, ощущение было такое: если год назад город жил фестивалем, то нынче они шли параллельными курсами. Фестиваль городу не мешал, но и, кроме него, дел и проблем у жителей областной столицы хватало.

Впрочем, об одном замечательном вторжении «Созвездия» в городскую жизнь все же стоит сказать. Пожалуй, впервые распахнул для фестивальных вечеров свои двери зал заседаний обкома КПСС. Вместительный, удобный, он наконец узнал, что такое аншлаг. И впервые услышал аплодисменты — не «бурные, продолжительные» после доклада, не казенно-одобрительные в ходе прений и собраний, а искренние овации, какими всегда встречали и провожали хороших актеров.

ЛИЦА

В обкомовском зале на зрителей, забивших все проходы, сидевших даже на сцене, с портрета смотрел Андрей Миронов.

В Калинин прошли вечера памяти Андрея Миронова, Юрия Богатырева, Вадима Спиридонова. Получились они разными — и по эмоциональному накалу, и по творческому уровню, многое там казалось лишним, кое-что — даже фальшивым. Но вот вывод — пусть тривиальный, но бесспорный: большие актеры незаменимы. Никто не займет место Миронова, Богатырева, Даля, Папанова, никто не скажет людям того, что говорили они. Другое что-то скажут, тоже важное, тоже бесценное, но другое...

На фестивальных «круглых столах», где снова, как год назад, перемалывались темы трудной, неблагодарной актерской жизни, как-то забывалось о том, что уникальность профессии этой еще и в двуединой ее сущности: с одной стороны, артист — человек из толпы, такой же,

как все, с другой — кумир, идеал. Увы, нынешнее наше кино почти полностью отвергает эту «другую» сторону. В уставшем, раздраженном обществе нашим актерам приходится играть раздраженных, несчастных людей. Все меньше «звезд» — и не потому, что нет талантливых личностей, а потому, что такому кино «звезды» не нужны.

Вот и обидно за тех актеров, которые, увы, лишены возможности (не дара, не таланта — возможности) нести свет и добро, как это делали Миронов и Богатырев. И за нас обидно: так и не зажженная «звезда» — богатство, которого мы лишаемся.

Среди двухсот двадцати двух актеров, приехавших в Калинин, было немало тех, кого можно назвать национальным богатством. Но богатством распорядимся бездарно. Как можно, например, так редко снимать Нонну Мордюкову? Да разве ее одну!

Кстати, Нонна Викторовна Мордюкова на «Созвездии-90» всюду, где появлялась, создавала свое, «мордюковское» настроение. Находила самые искренние, самые точные слова, выступая на вечерах памяти. И по-детски волновалась, вспоминая текст старой песни, а потом выходила — не на сцену, а всего лишь к цыганскому ансамблю на ресторанный помост — и упоенно пела, танцевала...

ФЕСТИВАЛЬ

«Цыганская ночь» в ресторане, придуманная для фестивальной братии фирмой «Киноконтакт», оказалась одним из немногих пунктов программы, где мы как-то забыли о проблемах, о политике. Даже о фестивале забыли. Просто веселились, и все.

Зато вволю наговорились о политике на «круглых столах», на концертах, спектаклях, даже (!) на театральном «капустнике». И уж само собой разумеется, на встрече с народным депутатом Сергеем Станкевичем, специально приехавшим к актерам.

Станкевич говорил о том, что лишь интеллигенция сегодня может вывести страну из тупика. Актеры слушали, соглашались, только не увидел я на их лицах прошлогодней уверенности, что задача эта великая им по плечу.

Возможно, ошибаюсь я. Но усталость и скепсис на этом фестивале преобладали даже в бурном веселье праздников, даже подавляя искренние восторги по поводу встречи кочующего актерского братства. Что тому причиной? То ли общая наша усталость — и от слов, и от жизни, которая меняется медленнее, чем нам хочется, и не всегда в лучшую сторону. То ли просто нельзя, как говорится, «дважды войти в одну реку»: второй подобный фестиваль всего через год после первого в небольшом городе обречен если не на провал, то по крайней мере на вторичность. Не забудем, что счастья стать свидетелями и участниками праздника, каковым задумывалось «Созвездие», заслужили жители многих и многих городов, обделенные зрелищами.

А. КОЛБОВСКИЙ

ГОРЬКИЕ НОЧИ «СОЗВЕЗДИЯ»

Фестиваль обещал стать подиумом для советских «звезд», каждая из которых — ну уж точно бриллиант в короне созвездия. Как он выполнил обещание?

Был коллективный вывоз актеров на непринужденный отдых. И поделом: кто весь год трудится, должен же когда-то и отдохнуть. Было милое предположение, что веселый спектакль или шикарный хэппенинг возникнет сам собой. Что бриллиант засверкает и без оправы, на то он и бриллиант. И программа у фестиваля была, как положено. Конкурсные показы, информационные просмотры. Выступления актеров сборно и по индивидуальному графику. Банкеты открытые и закрытые. По случаю фиесты щедрое начальство завезло в Калинин 70 тонн мяса и немало горячительных напитков.

Как ныне модно, калининский форум почтили присутствием духовные лица: праздник запущился с благословения крестным знаменем. Но, с другой стороны, не хотелось отстать и от «Золотого Дюка» — президент гильдии актеров зачитал на открытии Обращение, исполненное общегуманных человеческих призывов. Не желал он отстать и от московского фестиваля, и вот учреждается ПРОК «Кинос» в ресторане гостиницы «Волга».

А самым трепетным сердцем фе-

стивальной жизни был призван стать Дом политического просвещения, где шло просвещение кинематографическое — конкурсный показ — и где на балконе в таинственном отчуждении сидело жюри во главе с демоническим Олегом Янковским.

Но, как водится, спусти любимцев публики с поводьев — и их резвые рысаки понесутся в веселом галопе в самых экзотических направлениях. И никак не в творческую лабораторию, коей громко назвал «Созвездие» Евгений Жариков. И никак не в фестивальный Центр. Половина актеров-участников, полагаю, вообще не знала, какие картины отобраны и где этот Центр находится. Настоящим Центром фестивальной жизни стал ПРОК, представляющий собой не что иное, как бодрое вечернее застолье с постепенным переходом в мрачное предутреннее похмелье.

Творческие вечера! Посещение одного из них повергло в состояние уныния. От такого только в ПРОК и бежать. А вечер памяти Юрия Богатырева, обещавший эмоциональный всплеск! Похоже, актеры пришли на вечер друга, чтобы обронить несколько теплых слов о себе. Или, глотая подозрительно обильные слезы, сообщить, что, мол, вот и Вася, и Володя, и Юра ушли, теперь моя очередь!.. Уважаемый мной

Людмила Шевель предупреждает

Мы на лавочке вдвоем.
Нина Русланова и Михаил Кононов

метр вышел к микрофону и, в бессилии разведя руками, признался — нечего, ну нечего сказать ему о бедном Юре... Зачем же выходил?

Были пресс-конференции, были даже «круглые столы», где много, очень много говорили. Сидели за ними даже гости из зарубежья. Приняв глубоко к сердцу застольный крик о бедственном положении советского каскадера (шла и об этом речь), американский театровед Николай Ржевский, не скрывая своего заокеанского удивления, заметил, что, если вас на съемках лошадь ударила копытом по голове, гильдия обязана защитить право и ушибленного, и лошади. После этого присутствующие выразительно замолчали и, наверное, подумали о ПРОКЕ.

Я, признаться, тоже подустала от многочасового сидения, подсчетов, сколько стоит Джек Николсон, и сетований на то, что нашему артисту нечего играть. Джек Николсон стоит 4,5 миллиона долларов, потому что он Джек Николсон и живет в условиях цветущего капитализма, где все работает на его миф. А нашему актеру есть что играть даже в нашем кино, которое ничего не стоит. И, судя по всему, никого сегодня не интересует.

Но критиков-то оно пока еще интересует, и мы жили ожиданием ито-

Чуда не произошло. Не случилось чего-то непредвиденного, неожиданного, незапланированного. Все прояснил спор председателя жюри Олега Янковского и критика Кирилла Разлогова. Председатель сказал, что жюри отправлялось на заседание с твердым решением не рассматривать кандидатуры Гостюхина и Яковлевой, безусловно, претендовавших на награды. Но к 7 утра к ним же вернулось. Объяснение просто. В этих работах есть то, что называется актерской загадкой. Это не просто роли, это Миссия. Гражданский акт.

Давать призы за надежду, эксперимент жюри не сочло нужным. Как точно заметил Разлогов, самым спокойным оказалось решение, принятое заранее. Жюри не рискнуло. Не осмелилось выйти из общепринятой конъюнктуры. Поддержать новое и пока не столь известное.

Конечно, в генеалогии русского характера, который исследует в кино Владимир Гостюхин, роль Лехи Воробья для него этапная. Она сыграна на актерском пределе, даже на за-пределе. По признанию актера, он использовал в ней всего себя, исчерпал, растратил до конца. Кажется, большего сделать и не смог бы. Это была его звездная, коронная, но все же, на мой взгляд, не лучшая роль. Выше Рыбака в «Восхождении» Л. Шепитко он не поднялся. Что касается «Интердевочки», она уже прошла по стране, получила зрительское признание, кассу, приз в Японии и не несла печати открытия.

От души поздравляю обладатель премий за роли второго плана Ольгу Антонову («Астенический синдром»), кстати, по явному недоразумению названную ролью второго плана, и Льва Борисова за Кутю в «Смирненном кладбище».

Но чувство досады не покидало. Понурье, мы поплелись в Драмтеатр на торжественное закрытие. Закрытие тщилось походить на заокеанскую церемонию, но с чисто российскими провалами. Елена Яковлева и Ольга Антонова приехать в Калинин не смогли и посему на сцену не поднялись. Конвертики с драгоценной неконвертируемой валютой перекочевали в руки ответственного работника для вручения в рабочем порядке. В зале почувствовалось разочарование, жюри испытало неловкость. Интересно, как бы отреагировали американцы, узнай, что Дастин Хофман во время вручения ему «Оскара» занят на ферме.

Но в Васюках все возможно. Зато мелкопоместный бал почтил присутствием неотразимо иностранный Никита Михалков. Держа в руках новенький микроскоп — шуточный приз «Оказия» или приз случайных встреч на фестивале от международных фирм, — он скромно заметил, что через этот микроскоп, видимо, следует рассматривать нашу режиссуру.

Собрание спешно завершила череда спонсорных даров, где больше всего повезло Олегу Янковскому — от Московского шинного завода он отхватил приглашение на получение дефицитных покрышек. А затем... Затем, как и положено, шумная братия переместилась в ПРОК-ресторан, где догорала последняя пиршественная ночь. Там «звезды» и «звездочки» составили яркое созвездие. Там были и подиум, и загадочные улыбки. Как раз то, чего не хватало калининскому фестивалю, возжелай он быть не новыми Васюками, а хотя бы маленьким «оскарчиком». Но «звезды» горели в ночи, а не при свете рампы. Когда в стране революция, видимо, не до «Оскаров» и даже не до Васюков. Когда хаос в умах и смута в душах — не до искусства и не до праздников, даже актерских. Не хочется так думать, но приходится этому верить.

Наталья РТИЩЕВА

АСК: ФЕСТИВАЛЬ ЗА ФЕСТИВАЛЕМ

...Оба этих фестиваля, как говорится, были один другого интереснее — и по представленным картинам, и по накалу страстей вокруг них.

Сначала в СССР впервые приехал Фестиваль еврейских фильмов (США, Сан-Франциско), организацию которого в Москве его директор Дебора Кауфман назвала «историческим событием», фестиваль, по традиции объединяющий лучшие работы не только американских, но и режиссеров других стран. Москвичи увидели три десятка документальных и художественных лент США, Австрии, Израиля, ФРГ, Франции, Бельгии, Голландии, Аргентины и Советского Союза («Биндюжник и король» по мотивам бабелевского «Заката», поставленный на Студии имени М. Горького В. Алениковым). Это были картины об истории еврейского народа, его традициях, о жизни эмигрантов, о трагических годах гитлеровского геноцида, о взаимоотношениях с другими народами. Тридцать фильмов разнообразных жанров — от трагедии до комедии, от мелодрамы до детектива и триллера...

В организации смотров решающую роль сыграла Америка — советская киноинициатива. Московские власти, говоря откровенно, не очень-то этого хотели. Может, опасались излишних страстей по поводу «щекотливой темы», выступлений черносотенцев из «Памяти»? Однако все было спокойно.

А вскоре зрители получили от АСКа еще один подарок: кинофестиваль американских драматургов — знаменитые ленты разных лет, поставленные по сценариям известных сценаристов. Ряд картин удостоен «Оскара» именно за сценарии. Советские зрители увидели «Касабланку» Джулиуса Эпштейна в постановке Майкла Кертица, «Безумство под Луной» Нормана Джюисона по сценарию Джона Патрика Шенли, «Жар тела» Лоуренса Каздана. Имена, имена! Прибавьте к ним еще целую когорту «звезд»-исполнителей: Пол Ньюмен, Роберт Редфорд, Конрад Фейдт, Ингрид Бергман, Роберт Де Ниро, Хэмфри Богарт, Аль Пачино...

Оба фестиваля стали явлением кинематографической жизни, оба заслуживают подробного рассказа и критического обзора. Это — впереди.

А. ДОНСКОЙ

«За стенами» (режиссер Ури Барбаш, Израиль)

«Открою тайну — я решил сменить амплуа». Дмитрий Харатьян

Отар Коберидзе: профиль для медали

Я вас обожаю, графиня! Мария Капнист и Лариса Бородина

гов. Ожидание подогревалось. Будировалась скандальная ситуация на первом «Созвездии». Тогда гильдия актеров, не поставив в известность жюри, в последний момент учредила отдельную премию Владимиру Гостюхину. Поползли слухи, что кто-то кому-то звонил, на кого-то жал, и приз спустили сверху. По чистосердечному признанию Гостюхина, лауреатство икалось ему весь прошлый год. Бестактность решили исправить, хотя повторный успех актера, думаю, лишь подбросит поленьев в неостывший скандал.

Ну вот мы и подошли к главному. Итоги, итоги... Жюри сразу заявило, что оценивает не уровень популярности, а рост актерского мастерства. Разумно. Хотя положение это можно и оспорить.

Дабы поднять уровень фестиваля, оно включило в программу еще 4 картины. Ими стали «Астенический синдром», «Леди Макбет Мценского уезда», «Одиноким охотником» и «Каменная душа». Чтобы подчеркнуть ужасающее положение, в каком находится сегодня наш кинематограф, хотели даже отказаться от призов. В полной тайне от всех заседание длилось до 8 утра. В 17 итоги объявили журналистам.

Обладателем премии за лучшую мужскую роль стал Владимир Гостюхин («Смирненное кладбище»), за лучшую женскую — Елена Яковлева («Интердевочка»).

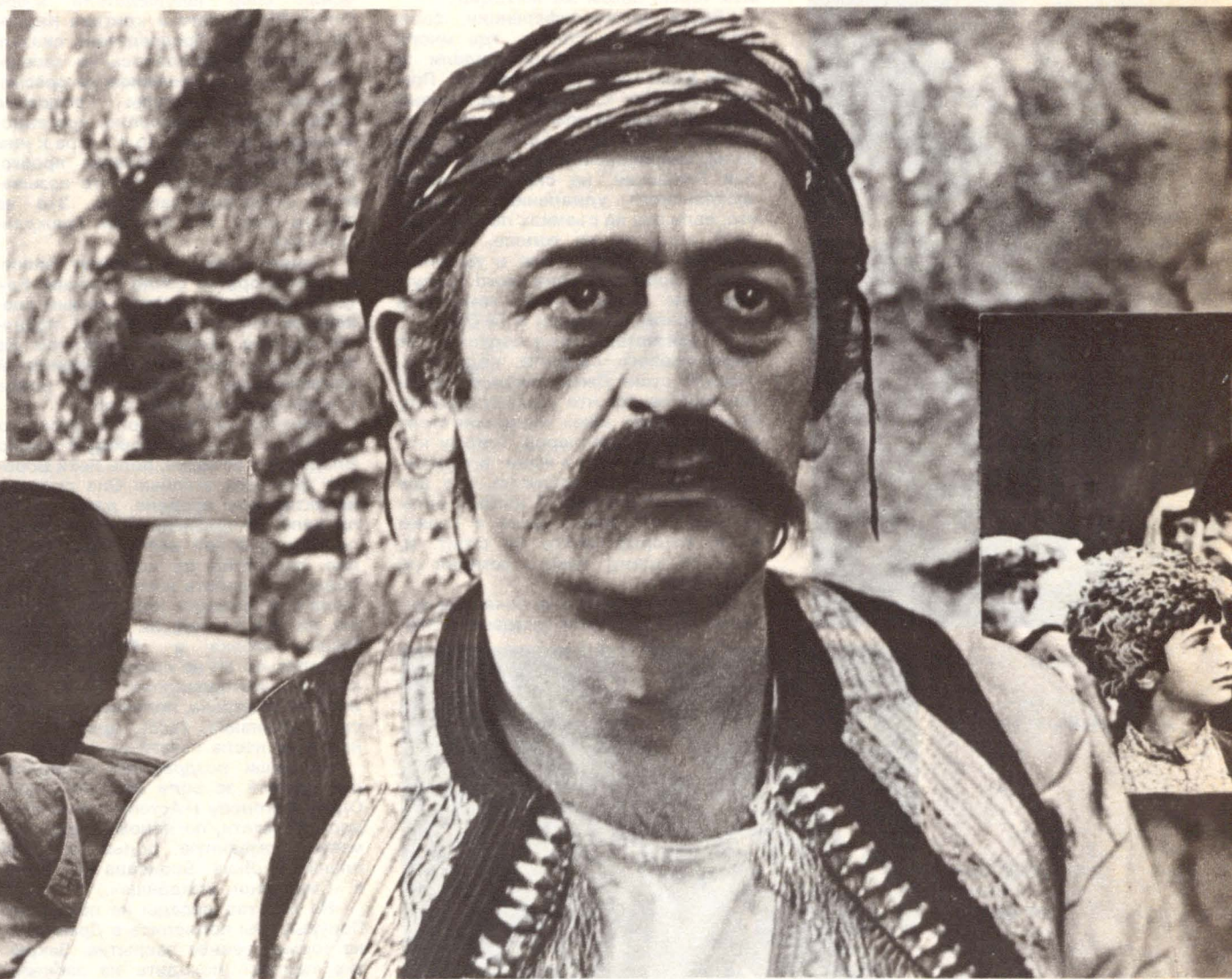
Признаюсь, мы испытали что-то похожее на досаду.

Пятеро за одну Любовь. Л. Соколова — обладательница объединенного приза журналов «Советский экран», «Искусство кино», «Спутник кинозрителя», «Новый фильм» (Алма-Ата) и газеты «Советский фильм»

БАРИ ЛУИС!

Сос Саркисян. Миру он известен главным образом по роли Ведущего в телесериале о сокровищах Матенадарана. Да роль ли это? Разве не мог

быть на его месте ученый, писатель? Мог бы, если — хранитель и носитель культуры. Сос Арташесович Саркисян — такой актер. Вот почему Ведущий — его именная роль. Трудно сказать: вспомните... Все ли видели фильмы Генриха Маляна, чтобы вспомнить о них? Хотя не так уж много у нас картин, в той же степени достойных памяти. «Треугольник», «Мы и наши горы», «Наапет»...

«Когда я жил в Степанаване...», — начал Сос, садясь к нам в машину. Утро. Едем на дубляж, на «Арменфильм». Утро холодное, весна дождливая. Слева шумит вздвухшаяся, подымающаяся почти в уровень с парашютом Занги. Плоские потоки сливаются по асфальту, мутным веером заливают часть переднего стекла «Жигулей»: у Овика Ахвердяна, нашего режиссера, насквозь проржавело крыло машины, сквозь длинную дыру видно мчащееся колесо. Сос рассказывает:

— Мы в детстве восхищались Галустом, Гало. Он делал только красивые вещи. Собирал камни,

выставлял в окнах. Провел электрическую лампочку. Мы, ребята, по вечерам ходили смотреть на камни, повторяли их названия, которые нам сказал Гало. Он вырезал чудесные вещи. Даже, дурак, подарил Сталину шкатулку с секретным замком.

— Сталину она была нужна, — сказал Овик, не отрывая взгляда от потоков на дороге.

— Ну почему дурак? Тогда многие дарили... — Это я вступился за неизвестного Галуста, которому не требовалась моя поддержка.

— Но самое великое дело, которое делал Гало, были сады. Он сажал их не в городе, и не в колхозах, а где-нибудь в ущельях. Мы называли их «сады Гало». И не трогали их. Он умел выращивать арбузы в Степанаване, как он ухитрялся?.. Там часто шли дожди в моем детстве. И я сказал себе: обязательно уеду, вырасту и уеду. И вот теперь в Ереване — дожди, холода.

Мы долго, две смены, работаем в темном, нетопленном, промозгом павильоне, где еще холоднее, чем на улице. Сос, глядя на экран в собственные губы, шевелящиеся по-армянски, произносит русский текст. Нам нужны два самостоятельных варианта — русский и армянский — нашего телесериала «Матенадаран», чтобы не только армяне, а я считаю, даже не столько армяне, сколько все остальные наши народы, могли увидеть внезапно явившийся на экране и совершенно неизвестный материк культуры, мудрости, красоты. Да к тому же пришедший из такой дали времен, когда, к примеру, мои предки по отцу — полукочевые «неразумные хазары» — скакали по бесконечным степям и предго-

рьям Северного Кавказа, а предки по матери, славяне, еще только селились по Днепру, пахали землю на месте будущего Киева.

Сос, у которого от холода садится голос, иногда устраивает перерывы. И мы молча смотрим на экран, где раскрываются древние манускрипты, вспыхивает золото миниатюр, блещут лазурь и кармин, распускаются дикие цветы, вспархивают синие птицы давным-давно минувшего счастливого мира.

В этих перерывах девушки из звукоцеха приносят нам одуряюще пахнущий кофе. Первому подают Сосу, к нему вокруг особое отношение. Не к знаменитому артисту, народному СССР. Среди рядовых работников на киностудиях вообще нет этого пиетета. Особое отношение рождается непонятно каким образом, неизвестно из чего. Ни почетными званиями, ни лестью и панибратством его не заслужишь.

— Гало был огромного роста, — рассказывает Сос, — большерукий, сутулый. Один глаз его был обыкновенный, а другой — огромный, как у Циклопа. Можно так сказать по-русски?..

— Можно, Сос.

— Он жил на главной улице нашего городка, Степанавана, ее почему-то называли «Миллионной». В выходной день он открывал дверь и становился. И все, кто бы ни проходил мимо, с ним здоровались. Утром в воскресенье меня посылали за хлебом, я задерживался неподалеку от него на улице и смотрел, как он здоровается. И сколько бы ни проходило людей, он каждому желал свое, особое, и не повторялся. Я впитывал богатство языка, стоя с обкусанным хлебом под мышкой. Особенно он любил

говорить «Бари луйс!» — «Добрый свет!..».

В раннехристианской символике, воспринятой армянами, свет, «луйс» — это Спаситель, Христос. В Кумранских рукописях обитатели ессеической общины близ Мертвого моря называли себя сынами света. Свет — это утренняя заря, надежда. Так можно передать смысл древнего привета «Бари луйс!».

Когда я познакомился с Сосом Саркисяном, он уже сыграл свои знаменитые роли в кино. И сколько могу знать, Ведущий в нашем телесериале «Матенадаран», в тех его десяти сериях, которые уже закончены, и в тех, что еще снимаются, — основная его работа в кино на протяжении последних шести лет. Она была оценена республиканской Государственной премией в 1988 году. Но, как говорится, дело не в том.

За эти годы много воды утекло в Занги и других быстрых горных реках, да и жизнь армян, подобно тем рекам, ускорилась, поскакала через камни. И не раз окрашивалась кровью.

Сос прошел крестный путь вместе со своим народом, наивно надеясь и потерял надежду, горько расставался с таким привычным для армянина образом России — щита для армян, спасающего этот древний христианский народ от ненависти и резни.

На моих глазах Сос становился народным трибуном, я слышал его обращения к миллионной, остро реагирующей, вскипающей волнами площади перед Оперным театром в Ереване. А когда она была занята войсками, я смотрел на Сосу из черноголовой несметной толпы — на его крошечную фигурку, стоящую на вершине многосту-

ГОРОЖАНКА

пенчатой лестницы, на фоне хранилища древних манускриптов Матенадарана. Оттуда несся знакомый нам голос с глубокими виолончельными интонациями, многократно усиленный микрофонами.

То, что говорил Сос, был не Шекспир и не Григор Нарекаци, этот Дант X века. Это был сам Сос Саркисян, добровольный раб своего народа, стоящего под ним на заперженной улице, и в те минуты властелин его сердца.

Его моральный пример был так высок, что на его личный счет

«Терпкий виноград»
«Наапет»
«Гикор»

в сбербанке стали переводить деньги в помощь беженцам из Сумгаита, Баку. Многие из них ранее были вытеснены из Нагорного Карабаха и теперь хотели возвратиться к своим заброшенным пепелищам, возродить свой дом. У дверей небольшой однокомнатной квартиры Соса стояли очереди. Он встречал каждого своим: «Бари луйс!» Заходили целыми семьями, плакали. От их рассказов за день можно было сойти с ума. Звонили из сбербанка, просили подтвердить правильность выданных чеков. Сос кричал в трубку: «Выплатите!»

— Двести восемьдесят одну тысячу выдал за последний месяц! — сказал он мне тогда, 20 июля 1988 года. Я спросил, откуда столько.

— А вот еще Католикос перевел двести пятьдесят тысяч...

Когда мы уезжали в США на съемки, он отказался поехать, он же кассир, должен деньги выдавать. И все же мы отправились вместе — год спустя в Париж. Снимали частные коллекции, музеи. Не веря глазам при внезапно открывшемся богатстве, восхищались сокровищами в Парижской национальной библиотеке. При этом листы рукописей нам переворачивал специально выделенный для этого научный сотрудник. А другой во время съемок щелкал секундометром, следил, чтобы мы не засветили бесценные миниатюры.

— Мы же их создавали, и нам же теперь их не дают коснуться! — сокрушался Сос.

Потом мы шли с Сосом по набережной Сены. Река казалась стоячей. Обрезанные деревья грели свои голые ветви под сонным декабрьским солнцем. Неподалеку от Лувра прямо на тротуаре были выставлены клетки с голубями, курами, кроликами. Оглушительно перекликались петухи. Как в деревне.

— Бари луйс! — сказал я. — Доброе утро! — Сос кивнул, он тоже что-то такое подумал.

— Когда я жил в Степанаване, мы очень рано уходили в школу. В старшем классе учился Борис, он к тому времени уже был комсомольским секретарем. А младший его брат был, как и я, голубятником. Ну и часто бывало, что я его голубей переманивал к себе, ссорились. Это Борис знал. И когда меня принимали в комсомол, он сказал: это хулиган, голубятник...

Прошло сколько-то лет. Я уже начинал актером в Ереване. А этого Бориса назначили секретарем райкома партии. И вот собираются старики, там, где они обычно собирались. И речь, конечно, заходит о новом секретаре. А отец его чувствует себя именинником и то и дело говорит: «Мой Борис провел пленум, мой Борис сказал».

А отца моего он спрашивает: «Ну, что твой сын? Актер? Что-то я о нем ничего не слышал. Говорят, хороший? Ну, если бы хороший, все бы знали...» Отец с досадой отворачивается: «Да я ему тоже говорил — не иди! На черта тебе это актерство?..» — «Вот видишь. А мой Борис...»

У отца Бориса уже появились меховая шапка и пальто новое с мехом. И когда они со стариками собирались, он задумчиво так спрашивал: «Как, по-вашему: когда лучше — сейчас или как было раньше?» А вокруг сидят раскулаченные, все потерявшие люди. Они отвечали торопливо, чтобы не отстать друг от друга: «Что ты, что ты? Конечно, сейчас...»

Почти каждый день сходились старики. Пыль от проезжающих арб и машин садилась на их сапоги. И каждый раз отец секретаря райкома спрашивал: «Сейчас лучше или раньше?» И с наслаждением наблюдал, как окружающие боятся райкома и наперебой уверяют, что сейчас лучше, указывают на новую школу, которая уже облупилась, на одноэтажный заготскот, всю побелку которого истерли мычащие голодные бычки.

Как-то я привез с собой в Степанаван журнал «Огонек», там была большая фотография: Импаир стоит билдинг. Какой-то корреспондент побывал в Нью-Йорке и снял это грандиозное творение, Вавилонскую башню, уходящую в облака. Напечатали, конечно, с кривым комментарием. Но отец-то по-русски не знал. Он стал расспрашивать: «А как же они поднимаются? А что такое лифт? Наверное, долго? Нет? Вода наверх доходит? Тепло, не дует?..»

Отец еще долго молчал, смотрел. Потом забрал под мышку «Огонек» и поспешил на обычное их сборище на площадь. «Бари луйс!» — сказал он, пряча журнал за спину. Он дождался, пока райкомовский отец по обыкновению задал свой вопрос: «Когда лучше? Сегодня или как было раньше?» Тут мой старик сунул ему под нос фотографию небоскреба: «Когда было лучше?.. А ты посмотри сам. Сегодня лучше! Видишь, сволочь?..» И сбил с него в пыль меховую шапку...

Сос посмотрел на меня: понятен ли смысл притчи?

— В тот вечер отец почувствовал себя свободным...

Мы давно прошли по набережной мимо голубей и петухов и стоим у витрины, с обидой рассматриваем обувь, выставленную там в изобилии вариантов.

— Вот это все может сшить только свободный человек. Раб не может сшить хорошие ботинки.

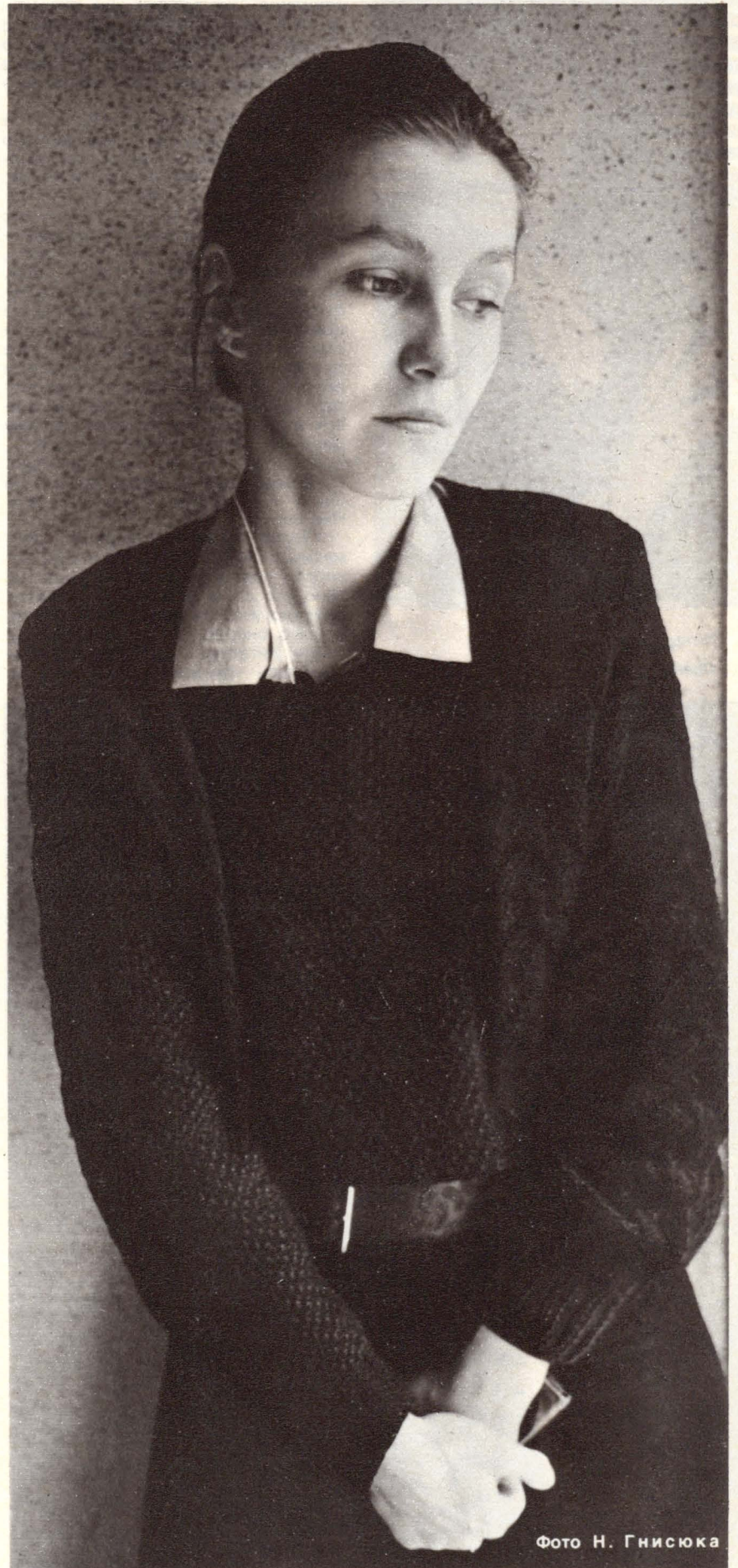

Фото Н. Гнисюка

Как странно! Мы бродили по извилистым улицам старого Вильнюса, и Ингеборгу никто не узнавал. Ее, едва ли не самую популярную молодую актрису Литвы, никто не выделял из неспешной толпы. Разве что коллеги по театру, также не узнаваемые публикой, время от времени приветствовали нас легкой улыбкой и коротким разговором.

Ким БАКШИ

«Интердевочка»
«Осень, Чертаново...»

Нет, не только в природной литовской деликатности тут дело. Скорее в органичности существования прекрасных здешних актеров на своей земле, в своем городе, в своих кафе, магазинчиках, переулочках и скверах. Именно так: актер здесь естественней воспринимается не за рулем дорогого лимузина, не раздающим автографы, не на киноафише размером со стадион, а среди людей, будь то ежедневная городская сутолока или теперешние многотысячные митинги.

Говорю все это потому, что об Ингеборге Дапкунайте невозможно говорить, не рассказывая о ее городе. О том, что всегда окружало ее. О том, что она любит.

Вот оперный театр. Это сейчас он благополучно живет в современном дворце на берегу Нерис, а прежде ютился в старом доме, ближе к вокзалу. Там работала бабушка. Сам по себе факт ничем не примечательный, но поскольку именно бабушке пришлось более других заниматься воспитанием внучки (папа Ингеборги — дипломат; родители часто в отъезде, живут в Москве), то понятно, почему девочку часто брали в театр — просто девать ее было некуда. В четыре года впервые вышла на сцену — в опере Пуччини «Чио-Чио-сан».

После «оперного дебюта» драматическое искусство сначала казалось пресным: никто не поет, не танцует, да и музыки не слышно. Детство, юность прошли с нацеленностью скорее на спортивную карьеру: Ингеборга не без успехов занималась фигурным катанием и,

конечно, самым популярным в Литве баскетболом.

А вот совсем недалеко от дома гора Таурас и приютившийся на ее вершине профсоюзный дворец. Там была театральная студия. Спуститься с горы, и вот она — Вильнюсская консерватория, актерский факультет. После трех лет занятий в студии поступила сюда с первой попытки, сразу после школы.

Ах, этот волшебный «андерсеновский» Вильнюс — желтый, как древние камни Старого города, зеленый, как трава в парках и дубравах, красный, как черепичные крыши!.. Город-театр, город-сцена, как для реальных драм и трагедий, вершившихся в его стенах многие века, так и для того, чтобы становиться декорацией сегодняшних кинематографических игрищ.

У Ингеборги в театре и кино разные роли. Популярность в Литве принес ей все-таки театр. На сцене Каунасского драматического с режиссурой Ионаса Вайткусса сыграла за два года семь главных ролей. Сейчас работает уже в легендарном Вильнюсском молодежном. Репетирует у Эймунтаса Некрошюса Корделию. А я видел Дапкунайте в небольшой роли в инсценировке гамсуновского «Голода». Смотрел спектакль без перевода на русский. В памяти осталась странная голодная полудевочка-полустарушка с хрустальным голосом, не бегающая — летающая над сценой.

Думаю, что Корделия станет главной ролью Ингеборги Дапкунайте. Ибо нравственный посыл великой роли камертонно совпадает с тем, что утверждает актриса с театральной сцены — чистоту помыслов и благородство поступков. Тем странней, тем любопытней, тем великолепней зигзаг творческой судьбы, раз от разу предлагающей Ингеборге в кино роли, совершенно непохожие на театральные. Романтические краски тут уже почти не используются. Напротив, самые заметные из ее героинь отличаются антиромантической напористостью и... легким поведением. Во всяком случае, всеобщему зрителю Дапкунайте запомнилась, к примеру, хитрющей Кисулей из «Интердевочки» П. Тодоровского. По-моему, виртуозная работа. Вспомните хотя бы стрельбу глазками в ресторанном зале в первых кадрах фильма, вспомните хищную улыбку, характерный голос, так странно соединяющий легкий литовский акцент актрисы и провинциальный череповецкий выговор героини... Но тут уже совсем иные краски, чем в театре, мазки не акварельные, а сочные, грубые. Или другая ее работа — странная немецкая девушка, дочь епископа, ставшая шлюхой, из картины В. Жалакявичюса «Воскресный день в аду». Неожиданно маленькая роль оказывается созвучной судьбе целого поколения — не потерянного даже, а уничтоженного войной. Даже если не физически уничтоженного — убитого духовно поколения без настоящего и без будущего. Речь идет о женских судьбах, о коих прежде мы как-то не задумывались: у нас были свои великие жертвы, нам было не до разбитых женских судеб по ту сторону фронта... Немецкие фрау и фрейлейн из наших прошлых кинокартин о фашизме были одинаково патриотичны и одномерны. Не в упрек об этом говорю — вероятно, время пришлось увидеть трагедию там, где прежде виделся обличительный фарс.

А вот еще одна роль, неожиданная и любимая Ингеборгой. Время и место действия обозначены названием — «Осень, Чертаново...». Можно по-разному относиться к этой работе И. Таланкина (мне она кажется выпяченной, претен-

циозной), но нельзя не признать, что актеры — странный квартет из Литвы и Латвии (И. Дапкунайте, В. Масальскис, А. Херманис, В. Квепа) в ролях рефлексированных русских интеллигентов — тут поразительно загадочны. Возможно, не адекватны при этом первоначальной авторской идее. Героиня Дапкунайте Мария, любящая весь мир, не понимающая себя, сочетающая ультрамодерновый шик с абсолютным неумением вписаться в жизнь, она тут, пожалуй, вопреки режиссерскому замыслу не русская, вопреки актерской природе не литовка. Она над странами, над нациями, она — Женщина...

— Поначалу думала, что это абсолютно не моя роль, что я даже не такая женщина, которая сможет это сыграть. Первый раз со мной такое: обычно по роли кажется, что могу играть и чего-то не дотягиваю, а тут боялась брать за роль и — полюбила ее...

Кстати, о национальной принадлежности героев.

— Мне грех жаловаться, — говорит Ингеборга. — В отличие от других прибалтийских актеров я не играла еще миллионерш, не снималась в шпионских фильмах. У меня чаще всего были «безнациональные» роли. Это тоже проблема.

Я назвал три королевы Ингеборги, а их уже десятка полтора. К тем, о которых уже сказано, добавляются молодые героини фильмов о любви, о семье («Моя маленькая жена», «Ночные шепоты») и сказочно обаятельный ретроперсонаж («Электронная бабушка»), партизанка из Белоруссии («Переправа») и дочь русского эмигранта, живущего в Париже («Загадочный наследник»).... Роль накопилось уже немало, а единого их объединяющего стержня, пожалуй, не найти. С одной стороны, это замечательно: каждая роль становится экспериментом, исключая возможность пользоваться наработанными приемами. С другой — тревожно: ощущение случайности — нет, не актерского почерка, а режиссерского выбора, обусловленного нередко лишь типажностью, — вынуждает задуматься о ее будущем в кино. Именно в кино — работа в театре Некрошюса обещает роли сложные, замечательно способствующие самоисследованию и самопознанию актера. Впрочем, самые последние кинороли и особенно роль будущая (о ней чуть-чуть ниже) дают основания предположить, что Ингеборга Дапкунайте из талантливых, подающих надежды переходит уже в иной, более высокий класс.

Режиссер А. Прошкин пригласил Ингеборгу сыграть Наталью Лемке, секретаря академика Вавилова, в фильме «Николай Вавилов». Говорить об этой роли, разумеется, рано, но она предоставляет исполнительнице драматургический материал такой степени сложности, такие трагические перепады добра и зла, каких прежде у нее в кино не было.

Съемки у этой картины долгие, и Ингеборге часто приходится на два-три, а то и на один день (ночь в поезде туда, ночь в поезде обратно) приезжать на «Мосфильм». Москва тоже родной город, тут живут родители, но какое удовольствие всякий раз возвратиться домой утренним поездом, выйти на привокзальную площадь, оглядеться. Этот город уютно обволакивает со-размерностью расстояний и пространств, разностыкой речью. И все, что делают хорошего, добро-го, удачного обитатели этого города, они делают с его благословения. Даже далеко от Вильнюса они всегда остаются его детьми.

А. КОЛБОВСКИЙ

Елена ЯКОВЛЕВА:
ОБОЖАЮ
ЗРИТЕЛЕЙ!

— Интересно, что чувствует актриса, когда она признана зрителями лучшей?

— Это мой счастливый случай. А какой фильм лучший?

— «Интердевочка».

— Да? Обожаю зрителей! Очень рада за фильм, за режиссера, за всех моих дорогих партнеров, замечательно сыгравших в фильме. И за критика, написавшего статью «Интердурочка!»

— Как ты относишься к тому, что ты — лучшая актриса года?

— А как я должна к этому относиться? Это что — предел? Нет. Первый раз, может быть, интересно. Хотя бы раз в год у актера должна быть такая работа, которая позволила бы заниматься своей профессией и дальше. В прошлом году у меня была такая роль. Но разве это зависит от меня? Как бы меня ни величали, это не обещает интересной работы в будущем. И все же я очень благодарна зрителям, которые так благосклонно отнеслись к нашей работе.

— Признание зрителей для тебя важнее, чем признание критики?

— Трудно ответить однозначно. Важно и то, и другое. Критика ведь разная бывает. Актёры не любят критиков, когда видят в статьях полное равнодушие к себе, к своему труду. Многие критики занимаются в статьях собой, спектакль или фильм для них лишь повод. А уж если ругают, то готовы перечеркнуть все. Искусство имеет право на провал, искусство должно ошибаться, потому что оно все время в поиске. В конце концов актер сам всегда лучше других видит, что ему удалось, а что нет. Между прочим, и оценка зрителей не была безоговорочно положительной. Писали и такое: «Спасибо тебе, Лена, за то, что ты увеличила ряды проституции и увеличила опасность СПИДа в нашей стране».

— Кто это пишет?

— Обычно женщины. Порой пишут такое, что даже чувство юмора не спасает, хотя к большинству таких писем трудно относиться всерьез. Тут одна дама написала. Сначала представилась как мужчина,

«он» — критик, художник, драматург и немного занимается режиссурой. Я заинтересовалась — надо же, думаю, какой интересный человек, и письмо на семи страницах напечатал. Но после слов «Я позволю себе несколько замечаний по поводу фильма» «он» превратился в «она» и начался поток оскорблений и сплетен. Закончилось все припиской: «Да я бы с тобой не только в одной коммуналке не жила, я бы с тобой в одном доме жить не стала!»

— А вообще пишем много?

— Много. В основном, кстати, хорошие. Праздники теперь проходят веселее — огромное количество открыток в доме. Многие предлагают дружбу. Замуж часто зовут.

— Но ты вроде уже замужем?

— Да. Хотя еще недавно на вопрос японских журналистов о моей личной жизни ответила: влюблена! Они посмеялись, а потом стали уточнять, давно ли и в кого. Теперь я бы ответила, что в мужа.

— А как обстоят дела в творческой жизни?

— Репетирую главную роль в новом спектакле, который ставит Г. Б. Волчек по пьесе молодого драматурга Н. Коляды «Мурлы Мурло». Для меня ничего не может быть лучше коллектива «Современника». И, может быть, если бы не мой уход на три года из театра, я не понимала бы этого так хорошо. Нужно что-то потерять, чтобы понять, как это было дорого.

— Лена, у тебя в жизни было много счастливых случайностей?

— Для меня счастливый случай все, из чего складывается моя актерская судьба. Сразу поступила в ГИТИС, сразу попала в «Современник», сразу стала играть главные роли, первую роль в кино сыграла у режиссера, о работе с которым мечтала. Да, моя актерская жизнь — это пока только счастливые случайности, хотя случай в профессии актера — это тема для отдельного разговора. Что же касается просто жизни, то хочется верить, что когда-нибудь я смогу сказать: «Мне очень повезло!»

Беседу вела О. МАУРИНА

Виктор ЦОЙ:
ОТВЕРГАЯ
СОБЛАЗНЫ...

Лет десять назад в Ленинграде появились панки. Было их немного, десятка три, но энергии и шума хватило, чтобы «колыбель революции» содрогнулась. Одеты они были вызывающе, вели себя непростойно, дрались и скандалили, пели про неаппетитное (панк-рок!): про помойки, дохлых гадов и про то, что «в злобе приятнее жить». Клички имели соответствующие: Пиночет, Свинья, Осел... Самым загадочным персонажем в тусовке был Цой (как стало ясно впоследствии, это не кличка) — молчаливый, отчужденный, исполненный чувства собственного достоинства, одетый в черное.

Он играл на ритм-гитаре и где-то в канун 1981 года сочинил свою первую песню «Мои друзья всегда идут по жизни маршем...» (могу продолжить: «и остановки только у пивных ларьков»).

С тех пор Цой написал еще порядка сотни песен, стал одним из самых известных и почитаемых людей советского рока, а в остальном изменился мало. Кого-то сломал быт, кого-то испортила слава, третьих соблазнили деньги... Что до Цоя, то он ничем не запянул своего строгого черного «прикида». Музыка «Кино» с годами крепчала, стилистически оставаясь в том же русле. «Последний герой», «Сюжет для новой песни», «Электричка» и многие другие вещи, написанные 7—8 лет назад, были бы к месту и в последнем альбоме.

Откуда же взялась эта метафизическая непоколебимость Цоя? «Восточное» происхождение? «Панковская» закалка? Мне кажется, дело в другом. Если я правильно понимаю натуру Цоя, то могу сказать, что перед нами редкий тип природного героя. Это человек, идущий по жизни не то чтобы победительно, но с полным ощущением себя персонажем приключенческого романа или киноповести. Он один, независим, благороден, причем это не поза, а норма жизни! Соот-

ветственно все жизненные блага, соблазны, конъюнктуру и т. п. он воспринимает спокойно и с легким презрением, как и подобает настоящему ковбою...

Как-то мы с Цоем говорили о литературных и прочих кумирах, и я упомянул своего любимейшего Дон-Кихота. «Нет, это не мой персонаж, — сказал Цой, — он не сконцентрирован, он слаб». Его персонаж — Брюс Ли, великий мастер кун-фу, неожиданно вставший в один ряд с легендами мирового кино. Он не был актером, играл в фильмах самого себя, живя там своей жизнью и делая свое дело. Брюс Ли участвовал в сугубо безыскусных боевиках и не блистал артистизмом, но сама магия его присутствия по своей силе не уступала великолепному воздействию Орсона Уэллса и Марлона Брандо.

Цой тоже не актер. Я не припомню эпизода ни в «Ассе», ни в «Игле», который заставил бы меня подумать: «Нет, настоящий Цой в жизни так бы не поступил...» Да, с даром перевоплощения дела у него обстоят неважно. В компании Лебедева, Смоктуновского и Калягина ему делать нечего. Он «зацепил» публику чем-то другим. Может, именно тем, что в нем нет ни капли суеты и наигрыша, а есть надежность, спокойствие и честность. Неудивительно, что в наши, склонные к истерике времена многие видят в нем если не спасителя, то, во всяком случае, настоящего героя. Слава Богу, что Цой бесконечно далек от политики.

Вообще говоря, неистребимая театральность наших киноактеров давно и сильно утомила. По сравнению с естественной западной (особенно американской) манерой виртуозности наших лицедеев воспринимается как старательное кривляние. Может быть, стоит подумать о феномене Цоя с этой точки зрения?

Артем ТРОИЦКИЙ

ЛАЙЗА МИННЕЛЛИ

«Кабаре». Съемка с экрана

Лайза Миннелли, названная нашими читателями лучшей зарубежной актрисой года, знакома советским зрителям по двум картинам: «Кабаре» и «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Кроме того, она снялась во множестве других фильмов: «Немое кино», «Бесплодная кукушка», «Лакки Леди», «Это покажет время», «Это танец»...

■ Ей, дочери голливудского режиссера, постановщика известных музыкальных лент Винсенте

Миннелли и популярной актрисы Джуди Гарланд, повезло с самого начала: павильоны компании «Метро-Голдвин-Майер» и кулисы прославленных музыкальных театров были ее домом. Репетиции, записи, съемки — нормальной жизнью. Известнейшие певцы, музыканты, актеры — обыкновенными знакомыми и друзьями. «Больше всего, — вспоминает она, — я любила смотреть, как артисты танцуют. Я отправлялась в репетиционные залы, чтобы смотреть на Сиды Шарриса, Фреда Астера и Джуди Келли... Вернувшись домой, я часами пыталась повторить их движения перед зеркалом».

В 7 лет Лайза Миннелли уже на сцене. В 16 — бросает школу и становится артисткой кордебалета на Бродвее. В 19 — оказывается самой молодой обладательницей почетного приза «Тони». Но Лайзе было и труднее всего. Она всегда

стремялась доказать свою индивидуальность в искусстве, что, будучи дочерью столь знаменитых родителей, было не так просто. Было с чем сравнить. Рождение «звезды» состоялось в 1972 году после выхода на экраны сразу ставшего знаменитым фильма Боба Фосса «Кабаре». Ролью Салли Боулс, певицы из германского «Кит кет» — кабаре времен прихода к власти фашистов, — она стала в ряд со многими прославленными актерами мирового кино.

Салли Боулс в исполнении Лайзы Миннелли — вызывающе свободная, болтливая, кокетливая, веселая и одновременно жалкая, беззащитная, наивная и одинокая. Актриса, способная на градацию самых разнообразных чувств, своей искрометной игрой, целым каскадом сменяющихся эмоций не оставляет равнодушным ни одного зрителя.

Безусловно, Боб Фосс делал ставку на Миннелли, переписав для экрана известный бродвейский мюзикл и добавив для нее некоторые песни — он создавал прежде всего яркое зрелище.

В чем секрет «звезды»? «От мамы, — говорит она, — мне передавалась энергичность, от папы — мечтательность. Я стремилась использовать эти качества для достижения своей цели. Главное, чтобы эта цель была, чтоб идти к ней с задором и энтузиазмом».

Искрометность и жизнерадостность, легкая грусть и буйство души, высочайший профессионализм — в крайностях ее натуры, а успех — в неиссякаемой работоспособности и целеустремленности этой необыкновенной актрисы.

В заключение хотелось бы поздравить наших читателей с верным выбором. Они не ошиблись.

Т. ЛИТВЯКОВА

Майкл Дуглас, старший из четверых сыновей легендарного Керка Дугласа, никогда не скрывал, что выбиться «в люди» и занять подобающее место в кино стоило ему немалых усилий. Невольно он оказывался в тени своего отца — звезды первой величины. Но Майкл оказался человеком с крепким характером, и он упорно шел к своей цели.

Свою актерскую биографию Майкл Дуглас ведет от небольшой роли душевнобольного юноши в телесериале «Медицинский центр». Затем последовали «Летнее дерево», «Наполеон и Саманта» и опять телесериал «Улицы Сан-Франциско» — на сей раз уже с ролью полицейского. Актерская карьера начиналась, но не предвещала бурного успеха. И тогда неожиданно для многих тридцатилетний Майкл, перекупив у отца права на экранизацию известного романа Кена Кизи «Полет над гнездом кукушки», становится продюсером одноименной ленты Милоша Формана, удостоенной в 1975 году премии «Оскар». Их, этих премий, было несколько, и один из «Оскаров» был вручен Майклу Дугласу как продюсеру этого замечательного фильма. Его безошибочная интуиция и умение уловить запросы широкой публики подтвердились потом не раз успехом лент «Китайский синдром», «Жемчужина Нила» и др.

Казалось, что весьма престижная и прибыльная карьера продюсера развивалась безупречно. Но Майкл, опять же вопреки мнению, что от добра добра не ищут, продолжал искать себя в актерской профессии.

Начиная с середины 80-х один вслед за другим выходят на экраны ленты с участием Майкла Дугласа: «Роман с камнем», «Кордебалет» и др. В 1987 году небывалый кассовый успех приходится на «Роковое влечение» — «первый фильм эры СПИДа», как позже писала об этой картине пресса. А затем наступает 1988-й — год триумфа: Дуглас признан в Голливуде лучшим актером года, а затем награжден «Оскаром» и «Золотым глобусом» за роль в картине Оливера Стоуна

«Уолл-стрит». Эти награды позволили ему войти в престижный список актеров «группы А».

К счастью, с разрывом всего в год-другой и нашим зрителям удалось увидеть почти все из перечисленных работ Майкла Дугласа. И оценить их — что, судя по анкете

«СЭ-89», вы и не преминули сделать.

Последняя лента с участием Дугласа — «Черный дождь», едва появившись осенью прошлого года на экранах Америки, возглавила список самых популярных фильмов текущего репертуара. Но, прочно

утвердившись на звездном небосклоне Голливуда, Майкл Дуглас объявил о том, что собирается расстаться с кинематографом по крайней мере на год. Как дальше он распорядится своей судьбой?..

О. НЕНАШЕВА

**МАЙКЛ
ДУГЛАС**

ПОЖИВЕМ — УВИДИМ

Не десять тысяч,
как предполагалось,
даже не тысяча,— человек
двести — триста
по команде послушно
срывались в беге
вниз — с Рождественского
бульвара
на Трубную площадь.
И все же стоящие внизу
старались спрятаться
от этой толпы:
за машины, за угол дома...

*Холодный март 53-го:
на улицу вышли все, кто мог...*

*Английская актриса Ванесса Редгрейв
и режиссер Евгений Евтушенко:
«Наш фильм заявлен как антисталинистский,
антидиктаторский...»*

*С американским профессором-славистом
Альбертом Тоддом и дипломатом
Барри Патерсоном:
«Это откровенно сентиментальный фильм
с любовью на фоне Апокалипсиса.
Главная его коллизия — столкновение
человека и призрака
медного всадника тирании!»*

Фото Л. Гришиной

ПОУКОРОЩИ С ПОЛУГОНЫ С

Евгений Евтушенко работает над фильмом «Похороны Сталина». Съемка, о которой идет речь, происходила 24 февраля — накануне грандиозных московских митингов. Скорее всего потому на приглашение принять участие в массовке и людей откликнулось немного...

К концу промозглого серого дня и режиссер умаялся. Евтушенко — поэт, публицист, прозаик. Ну что ему кино? После его фильма «Детский сад» прошло несколько лет, многие думали, что поэт «угомонился». И вот — «Похороны Сталина».

Ответ последовал незамедлительно: — По природе я человек артельный. С детства работал на колхозном поле, в геологических экспедициях, привык ощущать плечо рядом стоящего. А литература — дело «одинокое». И меня иногда угнетает одиночество. Кино же — артельный труд.

Я люблю, когда мне делают замечания. Во многом мне помогли очевидцы похорон Сталина. Например, один из них рассказал любопытную подробность. После того как толпа, которая не смогла попасть в Колонный зал, разошлась, дворники сгребли большие кучи пуговиц на Петровском бульваре и Трубной площади.

Эта съемка готовилась тщательно. Я встретился с министром Язовым, пообещавшим две с половиной тысячи солдат и военные грузовики. Министерство обороны издало директиву, однако она была отклонена под предлогом ожидавшихся вылазок экстремистов. Отменило свою помощь и МВД, обещавшее две тысячи курсантов.

Таким образом, из главной съемки было изъято около пяти тысяч человек, а многие по-

тенциальные добровольцы отказались от участия в массовке из-за слухов о предстоящих погромах и других провокациях.

Моссовет, несмотря на предварительные договоренности со мной, под чьим-то невидимым давлением пытался отменить съемку вообще. Абсурдное дело: по такому поводу обзванивать высокие инстанции! Тем приятнее для меня было, что на массовку помочь мне пришли мои товарищи, кинорежиссеры А. Симонов, С. Говорухин, А. Панкратов, большие мастера организации киноплощадки В. Фридман, Т. Коржановский, Г. Морозов, А. Гречиха, знаменитый каскадер А. Балун. Прилетела на пару дней из Лондона специально на съемки фильма Ванесса Редгрейв. Я снова преисполнен артельными ощущениями, по которым так стосковался.

Как для писателя вторая книга гораздо важнее, чем первая, так и для меня: второй фильм решит в моих собственных глазах раз и навсегда, буду ли я заниматься кино, хватит ли у меня сил на эту изнурительную, иссушающую работу. Художник у нас, к несчастью, должен порой быть и доставалой реквизита, и вышибалой всякого рода разрешений, должен сочетать в себе вдохновение творца и административную жилку. Да разве хватит одной жилки в этом тяжелейшем мире киноискусства? Нет, здесь, пожалуй, требуются поистине тысячежилые люди...

Массовка разошлась уже в сумерках. Вновь хлынул через площадь поток автомобилей, замелькали прохожие. Трубная смотрела им вслед и будто спрашивала: неужто забыли вы те страшные дни?

А. СОКОЛОВ

А ПИЩА А ПИЩА

Давка на Трубной.
Американская журналистка —
В. Редгрейв

Фотография на память.
Исполнители главных ролей
Денис Константинов (Женя) и
Марина Калиниченко (Эля)
с В. Редгрейв и Е. Евтушенко

На свободу — с чистой совестью
Иван Бачурин — А. Булдаков
Вера — Н. Егорова
В бегах...

Фото Н. Сорокина

сценарист представляет фильм

КОМУ
НА РУСИ
ЖИТЬ...

Я русский по матери, живший долгое время в русской деревне на Орловщине, думаю о России. Найдутся ли силы у моего народа разогнуться? Я верю в это свято, верую, как в саму жизнь. Великий и многострадальный, могучий, униженный и оскорбленный, он найдет силы для будущей жизни и славы. Об этом думалось мне, когда писался этот сценарий, и я счастлив, что в лице режиссера Михаила Ведышева я нашел единомышленника, который сразу принял сценарий, жил этими мыслями, трудился истово, не щадя сил, и наконец, снял картину под названием «Кому на Руси жить...». Кому же? Великому народу — жить, работать и дышать полной грудью? Или паразитам-чиновникам, сосущим из этого народа силы и кровь, опутавшим и его лжезаконами, инструкциями и постановлениями? Жить этому народу в обществе свободных людей или при сталинском социализме, от которого мы не избавились и по сю пору и за существование которого русский народ заплатил десятками и десятками миллионов жизней? Этот сталинский социализм извратил извечные понятия чести, совести, верности своей земле, любви к матери и Родине, все те понятия, которые русский народ с великим достоинством нес через века.

В 1947 году был принят у нас в стране очередной античеловечный закон, по которому колхозники и владельцы садовых участков должны были платить налог не с количества соток, а с каждого плодоносящего корня. Я был мальчишкой, но помню, как бабка, плача, проклиная все на свете, таскала в сад ведра с кипятком и поливала корни яблонь и груш, чтобы они засохли. И я помогал ей... Сколько тогда было уничтожено в центральной исконной России, и без того сожженной и разоренной войной, роскошных, чудом уцелевших садов! И вместе с этими садами сжигались, испепелялись души людей. Сейчас много говорят об искореженной экономике и подсчитывают убытки. А как оценить, осознать, какой страшный след оставлен в душах людей, как он корежил их, гнул и ломал?! Как уничтожал любого непокоренного мужика, имеющего свое понятие о жизни, свое мнение, свое отношение к земле, к жизни, к миру, свое человеческое достоинство и гордость. В сталинском обществе таким место было только за колючей проволокой. Или ты будешь обстрелянным столбом в шеренге других, или — в концлагерь, где день за днем будут уничтожать твое человеческое достоинство. Или ты умрешь от голода и непосильной работы, или — превратишься в безмолвного раба. Армией послушных рабов желали видеть страну творцы этого социализма. И Россия, заплатив за него самую страшную цену, превратилась в результате в обезлюдившую, разоренную и нищенскую страну, где люди не живут, а борются за существование...

По жанру это кинороман, история горестной жизни грешного русского человека, который стал грешником не по своей вине, который всю жизнь пытался жить по законам чести и справедливости, что оборачивалось для него горем и тюрьмой. И нас с Михаилом Ведышевым не покидает надежда, что эту историю с пониманием и интересом встретят зрители.

Эдуард ВОЛОДАРСКИЙ

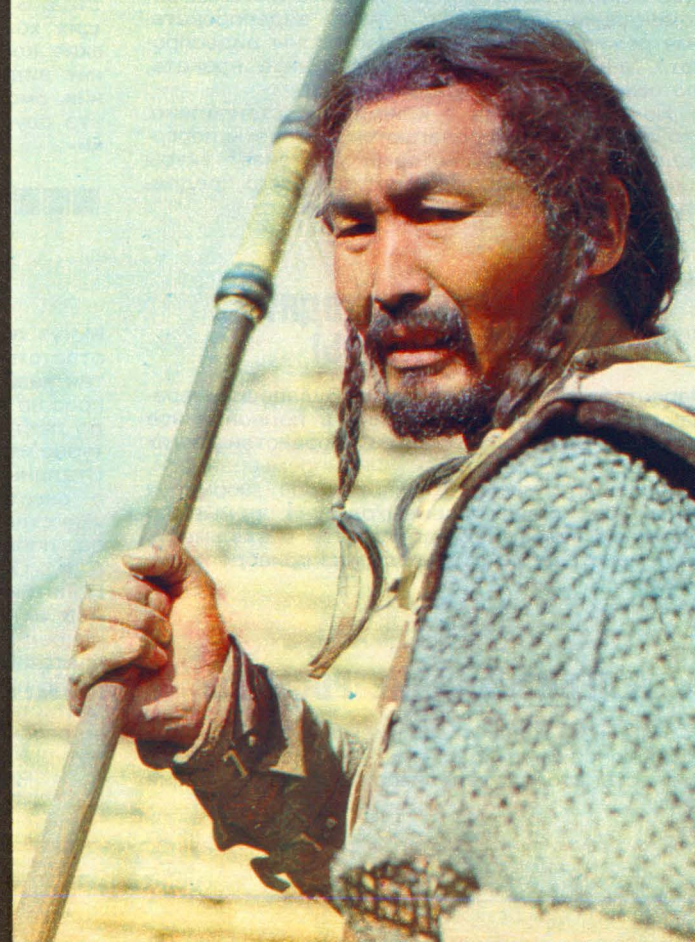
ПОЖИВЕМ — УВИДИМ

ГИБЕЛЬ ОТРАРА

Есть упоение в бою...

Унжу — Д. Кыдыралиев

Фото Н. Шестаковой

Древний Отрар — один из крупнейших центров кочевой цивилизации на территории Казахстана. Его богатейшая библиотека осталась в веках как легенда, до сих пор манит надеждой быть найденной в недрах песков. Отрар не избежал участи городов, встававших на пути орд беспощадного Чингисхана...

Понимание неотвратимости надвигающейся катастрофы оказалось недоступным для главы Хорезмского государства. Уже пали под напором монголов Самарканд и Бухара, но защитники маленького Отрара во главе с Каирханом, наместником Хорезмшаха, шесть месяцев оказывали захватчикам героическое сопротивление.

Запутанные интриги и жестокие убийства, служащие политическим целям средневековых азиатских правителей, — фон, на котором происходит развитие основной сюжетной линии картины «Гибель Отрара», съемки которой завершил на «Казахфильме» молодой режиссер, выпускник мастерской С. Соловьева Ардак Амиркулов.

Главный герой фильма Унжу (Д. Кыдыралиев) провел многие годы в войсках монголов, пройдя путь от рядового воина до тысячника, и вернулся к своему народу, чтобы попытаться спасти его. Унжу — искусный боец и разведчик, он осознает неизбежность гибели Отрара, хотя и пытается тщетно ее предотвратить. Он предупреждает, но великий Хорезмшах не доверяет никому...

Имена авторов сценария, Алексея Германа и Светланы Кармалиты, сулят нам высокий уровень литературного материала. Неожиданное обращение этих мастеров к исторической теме связано с тяжелым периодом в творчестве А. Германа, когда студии отказывались ставить в титрах его имя, даже если договор был заключен. В Казахстане отношение оказалось неожиданно иным, и была предложена тема Отрара.

Очевидцем реальных событий, а не свидетелем работы съемочной группы «Казахфильма» ощущаешь себя, глядя отснятый материал и мысленно переносясь в жестокий XIII век.

А. АБРАМОВИЧ

ГОСТЬ "СЭ"- СБОРНИК "ВИДЕО- АСС"

Сегодня на рынке видео дороже всего ценится информация. Что снимают? Что смотрят? Как формируются «черный» и «белый» рынки, и можно ли на них влиять? Что представляет собой видеокультура в общемировом культурном процессе? На эти и многие другие вопросы отвечает новый информационно-публицистический сборник «Видео-Асс».

— Видеокультура по природе своей демократична,— говорит главный редактор Владимир Боров.— Ее не втиснешь в ведомственные рамки. Напротив, она сама активно разрушает последствия господства командно-административной системы в жизни общества. Поэтому и наше издание стоит на независимых позициях. Только так, на наш взгляд, можно завоевать доверие читателей.

Остается добавить, что тираж первого выпуска сборника в 100 тысяч экземпляров мгновенно разошелся в основном по индивидуальным и коллективным заявкам.

«Советский экран» поздравляет любителей видео с появлением нового издания и предоставляет ему свои гостевые страницы.

ВИДЕОГЛОБУС

Подборка составлена по материалам банка данных НИЦ «Видеокультура» на основе публикаций зарубежной печати и информационных агентств.

ВСЕГО ЗА 5 ДОЛЛАРОВ

Согласно данным компании «Фэйрфилд груп», изучающей рынок «развлекательных» товаров, в настоящее время 70 процентов американских семей имеют по крайней мере один видеомагнитофон, 85 процентов из них регулярно берут видеокассеты напрокат и просматривают у себя дома в среднем по семь новых фильмов ежемесячно. Подавляющее большинство посетителей прокатных видеосалонов — молодежь. Прокат видеокассеты на день стоит около 5 долларов — дешевле, чем просмотр фильма в кинотеатрах, тем более что цены на билеты в них с каждым годом растут.

...И 10 МИЛЛИАРДОВ ПРИБЫЛИ

В 1989 году в США среди клиентов видеотек особым спросом пользовались картины «Замужем за мафией», «Тюкер», «Последнее искушение Христа», «Чистый и трезвый», «Восьмерых — с поля», «Рыбка по имени Ванда». В кинотеатрах практически ни одна из них крупного успеха не принесла. Зато доходы от их видеопроката превысили выручку от продажи кинобилетов. Индустрия видео закупает у студий фильмы на 3 миллиарда долларов ежегодно. Доходы от их розничной продажи и проката достигли в 1988 году 10 миллиардов. А в 1989 году совокупные доходы ведущих студий от реализации видеопродукции впервые превысили кассовую выручку. В стране насчитывается около 50 тысяч точек по прокату видеофильмов против 23 тысяч экранов в кинотеатрах.

ВСЕ ДЛЯ КЛИЕНТА

В Израиле был проведен научно-статистический анализ систем видеопроката. Оказалось, что лишь 10 процентов клиентов приходят в пункты проката, точно решив, какой фильм они собираются заказать. Остальные не имеют четкой цели — ищут, выбирают, выясняют, была ли какая-либо кассета в употреблении или еще нет, и наконец на что-то решаются. Вот в порядке очередности факторы, которые влияют на окончательный выбор: жанр фильма, аннотация на кассете, рекомендации родных и знакомых, состав исполнителей ролей, реклама фильма, рекомендации персонала пункта видеопроката, имя режиссера, реклама со стороны видеопроката, афиши, находящиеся в пункте проката, фотоснимок на корпусе кассеты.

На основе бесед с клиентами установлено, что они полностью полагаются на советы персонала видеопроката, который уже знает вкусы своих старых клиентов и прежде всего предлагает наиболее популярные фильмы.

НА АРЕНУ ВЫХОДЯТ КООПЕРАТИВЫ

Нерентабельные кинотеатры в Будапеште передаются в аренду, фактически в полноправное пользование кооперативам. Сноровистей других оказался кооператив «Филмпремьервидео», прибравший к рукам 5 кинотеатров. Формируя репертуар, кооперативы выходят на прямые зарубежные связи, покупая кассеты с фильмами, на демонстрацию которых страна приобрела лицензию.

ТЕЛЕВИЗОР — НЕ РОСКОШЬ

Во Франции телевизоры имеются во всех без исключения квартирах, в каждой четвертой семье есть второй телевизор. Все же Франция

отстает от США, где 20 процентов семей имеют по три телевизора. В свою очередь, США уступают Японии, где не редкость четыре телеприемника в одной семье.

ВИДЕО ПО-ИСПАНСКИ

В Испании недостаток средств для приобретения видеотехники возмещается созданием специальных видеосетей, либо на базе одного какого-либо дома (подключение большого количества телевизоров к одному видеомагнитофону, находящемуся, например, у портье), либо на базе целой деревни (поселка). На протяжении всего дня на видеомагнитофоне один за другим крутятся несколько фильмов, которые абоненты, внесшие определенную сумму, могут смотреть на своих телеэкранах.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ КОНТРАСТЫ

На Ближнем Востоке и в странах Персидского залива практика использования видеомагнитофона для записи телевизионных программ непопулярна. Обычно кассеты записываются пиратским способом. Кроме того, часто покупают кассеты западного производства с новыми остро сюжетными фильмами, киносериалами или концертами известных певцов, записанными с египетского, сирийского телевидения или телевидения какой-то другой арабской страны. В Бейруте же видеомагнитофоны часто устанавливаются в убежищах, чтобы как-то скрасить ожидание во время уличных боев.

ПОД ЧЕРНЫМ ФЛАГОМ

Как показывают данные ЮНЕСКО, ежегодно в мире продается около 70 миллионов записанных и 400—500 миллионов чистых кассет. Очень развито видеопиратство. На Филиппинах и в Индонезии 90—95 процентов кассет, попадающих на рынок, записаны пиратским способом. В Венесуэле и в Бразилии этот процент составляет 70—75 процентов, а в таких странах, как Голландия и Италия, — от 30 до 60 процентов. Интересно, а какой процент «пиратские» фильмы составляют в СССР?

ПИРАТЫ ПОНЕВОЛЕ

Отсутствие у государства достаточных валютных средств для закупки видеофильмов за рубежом — одна из главных причин видеопиратства. В Болгарии основная масса кассет, имеющих хождение на внутреннем рынке, — пиратские копии. «Кассеты, которые выдают напрокат видеоклубы, находятся в ужасном состоянии: смотреть такой кинофильм — то же самое, что слушать симфонию с заезженной пластинки».

КГБ ПРОТИВ ДЖЕЙМСА БОНДА

Могут ли видеолюбителя привлечь к уголовной ответственности за демонстрацию и хранение так называемых «антисоветских» фильмов? Вопрос не праздный: на черном рынке видео немало лент, таких, как «Красный Монарх», карикатурно изображающий наше общество во главе со Сталиным в начале 50-х годов. «Анастасия» — о расстреле царствующей семьи Романовых, «Бегство из льдов» — о судьбе молодого канадца, попавшего в 30-е годы в застенки НКВД. А в «Осьминожке» даже показано заседание Политбюро ЦК КПСС во главе с Брежневым и в одном из героев, правда положительном, некоем генерале Гоголе, недвусмысленно угадывается Ю. В. Андропов.

По просьбе «Видео-Асс» ситуацию комментирует старший прокурор Управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры СССР А. М. Похмелкин:

— Раньше формально демонстрация такого

рода кассет могла бы попасть под действие статей 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) или 190¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй). В апреле 1989 года они были отменены Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления и некоторые другие законодательные акты СССР». Вместо них появилась статья 11¹ Указа — об ответственности за оскорбление и дискредитацию государственных органов и общественных организаций. Но ее не утвердил первый Съезд народных депутатов СССР.

— И все же в Уголовном кодексе остается немало статей, которые при желании можно использовать для привлечения видеолюбителей к суду. Скажем, статья 71 (пропаганда войны). Среди зарубежных видеофильмов немало лент, насыщенных батальными сценами, поэтизирующими наемников, этих «рыцарей войны», «солдат удачи».

— С тем же успехом можно причислить к ним и наш отечественный «Одинокое плавание». Думаю, такой подход к оценке художественной видеопроизводки вообще неправомерен. В кино ведь все условно. Даже если человек показал кому-то из знакомых «милитаристский» фильм, надо еще доказать, что он демонстрировал его с целью пропаганды войны. То есть нужен умысел. Обычно, как показывает практика, такие видеофильмы смотрят вполне законопослушные, как принято говорить, граждане. Из обыкновенного человеческого любопытства.

— Ну, а статья 69 УК РСФСР — «Вредительство», распространяющаяся на действия, совершаемые «с целью ослабления Советского государства», а также «деятельности государственных органов»? Или статья 190 — «надругательство над Государственным гербом или флагом»? Советская государственная символика часто присутствует в западных «политических» кинофильмах. Как ее только не подают, куда только не лепят!

— Стоит ли ворошить Уголовный кодекс, чтобы выискать лазейку для ущемления видеолюбителей? При желании, наверное, можно найти какую-нибудь зацепку. Но перечисленные статьи предусматривают опять-таки умышленные действия конкретных лиц, ставящих целью именно надругательство или совершающих акции против вполне определенных организаций, влекущие материальный ущерб. Даже призыв к изменению государственного строя с точки зрения новых законодательных актов наказуем, если только речь идет о неконституционных, насильственных методах, да еще если призыв сделан публично. К тому же судебная, уголовная практика испытывает на себе сильнейшее влияние той политической ситуации, которая на данный момент сложилась в обществе. Сейчас «видеодел» возбуждается совсем немного. Происходит широкая демократизация всех сторон нашей жизни.

*Печатается с сокращениями.
Полностью интервью опубликовано
в первом выпуске «Видео-Асс».*

Энциклопедия «Видео-Асс»

ПОПУЛЯРНЫЕ КОШМАРЫ

Какой жанр более мил сердцу видеолюбителя? В прошлом году наш НИЦ «Видеокультура» опубликовал в украинском журнале «Новини киноекрана» анкету, собравшую 692 отклика. При чем 466 авторов писем на первое по популярности место выдвинули фильмы ужасов, а на второе — кинофантастику.

Учитывая зрительские запросы, «Видео-Асс» в своем втором выпуске поместил фильмографию, где собраны 90 «ужасных» и фантастических фильмов, появившихся на зарубежных экранах в последние годы, включая 1989-й. Чем же удивит нас мировой кинематограф, учитывая, что на советский внутренний рынок видеофильмы приходят с опозданием в год-полтора?

Грандиозный успех «Бэтмена» Т. Бертон отодвинул в тень многие интересные работы других кинематографистов. Между тем в личных

видеотеках некоторых советских видеолюбителей уже появился другой фильм этого режиссера, «Бетлджус» («Жучиный сок», 1988), получивший высокую оценку критиков. Это забавная комедия о том, как двое молодых людей, погибших в автокатастрофе, становятся привидениями в собственном доме.

В 1989 году американский режиссер Джеймс Камерон, поставивший ранее «Терминатора» с А. Шварценеггером, выпустил на экраны «Бездну», ставшую сразу одной из самых популярных лент западного кино. Действие происходит в морских глубинах, где экипажу подводной лодки предстоит столкнуться с одной из загадок океана. По сравнению с «Бездной» явно проигрывает «Глубоководная станция-6» Шона С. Каннингема — история о том, как американские подводники подверглись нападению гигантского хищного моллюска. Морское чудовище живет и в фильме «Левиафан» Джорджа П. Косматоса, однако лента не дотянула даже до «среднего» уровня.

Продолжается сериал «Кошмары на улице Вязов». Снимается 5-я часть, в которой кровавый владыка снов Фредди Крюгер пытается возродиться, вселившись в мечты еще не рожденного ребенка главной героини — Алисы. Исполнитель роли «страшного Фредди» Роберт Инглунд, человек, ныне весьма популярный в кинематографическом мире, снял собственный первый фильм ужасов «Телефон дьявола — 976».

Джон Карпентер, один из «китов» американской кинофантастики, известный советским поклонникам видео по фильму «Нечто» («Тварь»), продолжает творить в том же духе, но критики отмечают, что его последняя работа «Они живут среди нас» может быть интересна почитателям режиссера, но в целом весьма посредственна. Герой этого фильма, Джон Нэд, надев специальные очки, вдруг обнаруживает, что некоторые из окружающих людей на самом деле инопланетяне, искусно имитирующие человеческий облик.

Эротическая «звезда» Сильвия Кристель, прославившаяся исполнением главной роли

в фильме «Эмманюэль», вероятно, удивит зрителя, представ в новом качестве. Она снялась у Кристоффера Копполи в типичном фильме ужасов «Вдова Дракулы». Сверхпопулярный певец Майкл Джексон решил использовать зрелищные возможности кинофантастики, чтобы поддержать свой имидж. Его мы увидим в фантастическом фильме «Мунволкер» («Лунный путешественник»), изобилующем спецэффектами и музыкой. Впрочем, в этом качестве М. Джексон выступает не впервые, достаточно вспомнить его оригинальное появление в «Триллере», поставленном Джоном Лэндисом.

Английский кинематограф вносит не менее мощный вклад в фантастическую летопись. Утопический мир будущего, где Земля опустошена разрушительными ветрами, предстает в фильме Терри Роулингса «Воздушный Гольфстрим», Кен Рассел представляет «Логово Белого Червя» с Амандой Донахью, играющей женщину-вампира, а Нейл Джордан — комедию «Высшие духи» с участием Питера О'Тула.

Австралия родила своего Джеймса Бонда. «Лес Паттерсон спасает мир» — так называется фильм Джорджа Миллера, повествующий о том, как австралийский супермен Лес Паттерсон (актер Барри Хэмпрайс) разрушает планы международной террористической организации, намеревающейся заразить смертоносными бактериями... американские общественные туалеты.

Заслуживает внимания серьезная работа новозеландских кинематографистов (в сотрудничестве с Австралией) — «Навигатор» Винсента Варда. За приключениями группы пилигримов, попавших из XIV века в наш, двадцатый, угадывается обеспокоенность за судьбу человечества перед лицом чумы нашего времени, СПИДа, и другой — ядерного апокалипсиса.

От Нью-Йорка до Сиднея кинофантастика победно шествует по экранам, и только видео пока может дать нам возможность пообщаться к этому мировому изобилию.

А. МОРОЗОВ,
заместитель главного редактора
«Видео-Асс»

Съемочную группу независимой кино- и видеостудии «ТРИТЭ» Никиты Михалкова выездная бригада «Видео-Асс» настигла в 100 километрах от Москвы, в глухом лесочке, где совместно с итальянскими кинематографистами снимался рекламный фильм для фирмы «ФИАТ».

— Можно ли назвать «ТРИТЭ» частной студией? Не означает ли ее появление начало новой эры в кино- и видеопроизводстве?

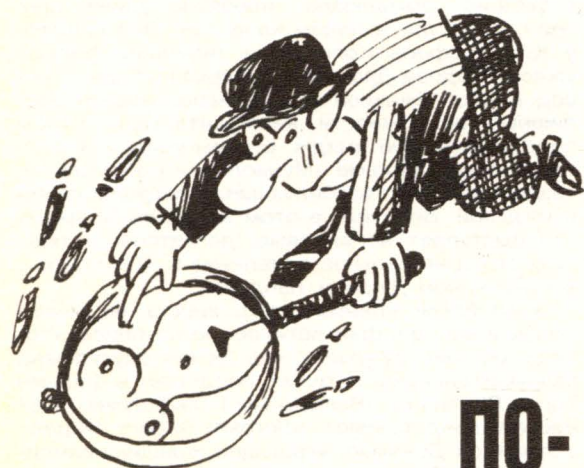
С этих вопросов начался диалог с популярным режиссером, актером, а теперь волею судеб и бизнесменом. Интервью опубликовано во втором выпуске «Видео-Асс», в нашей постоянной рубрике «Визитная карточка».

«Нерабочий» момент съемок. Никита Михалков и Владимир Гостюхин.

Фото Геннадия Гальперина

IGRA V DETEKTIV

ПО- ЯРОСЛАВСКИ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ СЕРИИ

Не думал я, что придется возвращаться к событиям, описанным в № 6 «СЭ» за 1989 год («Суд да дело»). Все началось тогда с письма в редакцию жителя Ярославля Ю. Заседателя. В 1985 году он и его товарищ, москвич В. Панков, были осуждены Ленинским народным судом города Ярославля по статье 228 УК РСФСР «за распространение порнографии». Был установлен факт «распространения» двух видеофильмов — «Папайя» и «Приключения таксиста и сантехника», которые местная экспертная комиссия признала порнографическими. Приятели отсидели свое — один полтора, другой два года — и подали жалобу в Прокуратуру РСФСР. Они подвергли сомнению компетентность экспертов — ведь среди них не было ни одного искусствоведа. Решением Ярославского областного суда приговор был отменен, и дело направлено на дополнительное расследование. Казалось, оставалось разобраться во всем, выяснив мнение истинных, а не доморощенных специалистов. В Ярославле же начали происходить события, переводящие довольно-таки заурядную историю в разряд детектива.

ВАШ ХОД, СЛЕДОВАТЕЛЬ!

Почти год тянулось новое следствие. Были допрошены обвиняемые (опять они стали обвиняемыми!), свидетели, все, кто был причастен и даже вовсе не причастен к делу. С трудом отыскали фильм «Папайя» — кассеты, фигурировавшие в уголовном деле, после первого суда были уничтожены. А потом долго, мучительно долго формировалась новая экспертная комиссия, в которую требовалось обязательно включить киноведов... Позвольте, а это-то почему вызвало затруднения? Или в нашей стране перевелись опытные, знающие, квалифицированные люди? Нет, конечно. Но, наверное, следователям Н. Михееву и И. Солнышкову они были не нужны... В конце концов нашли: редактора «Ленфильма» Е. Иванову, директора творческого объединения той же студии И. Колобова и преподавателя ВГИКа В. Турицына. Не спорю, быть может, они и хорошие специалисты в своих областях, но ни один не обладает сколько-нибудь существенным опытом экспертной деятельности. Понятно, в таком составе комиссия снова дружно сделала вывод: «Папайя» — фильм порнографический.

Редакция в это время обратилась во ВНИИ киноискусства Госкино СССР, к экспертам Научного совета по проблемам философии, культуры и современным идеологическим течениям АН СССР, работающим под эгидой Прокуратуры СССР, с просьбой также исследовать «Папайю». Подробный, аргументированный ответ был однозначен — фильм порнографии не содержит. Редакция направила акт экспертизы в адрес следствия, а через некоторое время... получила его назад с «сопроводителькой» начальника следственного отдела УВД Ярославского облисполкома В. Рябцева: дескать, возвращаем ваше заключение, поскольку оно выполнено с нарушением УПК (Уголовно-процессуального кодекса). Иными словами, потому, что назначать экспертов вправе только следователь. Круг замкнулся.

Видимо, понимая шаткость позиции обвинения, следователи не ограничились «Папайей», стали копать дальше. И нашли! Вот он, неожиданный поворот в детективном сюжете! Убийственная улика, появляющаяся, как ей и положено, в самый последний момент! Вы думаете, «Приключения таксиста и сантехника»? Нет, о них давно забыли. Наверное, сами блюстители закона посчитали этот фильм недостойным внимания. Выплыла другая кассета, без названия, состоявшая сплошь из непристойных сцен. Только вот беда, обвиняемые не хотят «колоться», утверждают, что увидели ее впервые на дополнительном расследовании. Где же правда?

А Бог ее знает! В судебном заседании (на этот раз дело слушалось в Кировском народном суде Ярославля) выяснились такие удивительные обстоятельства, как прямая подтасовка в обвинительном заключении, — это ставит под сомнение все без исключения факты, которыми оперировало обвинение. Откроем документы.

«1 марта при попытке продолжения демонстрации порнографических фильмов подсудимые на квартире Заседателя были задержаны» (из приговора суда 1985 года). «На следующий день при попытке продолжения демонстрации Панков и Заседатель были задержаны» (из обвинительного заключения 1989 года). Однако в новом судебном заседании было установлено, что, когда на квартиру Заседателя пришли с обыском, там никого не было! Это подтвердили А. Павленко, бывший при обыске понятым, и В. Бобочин, следователь, проводивший дознание. Неувязочка!

Другой эпизод. Бобочин утверждал, что во время обыска в видеоманитоне была обнаружена порнографическая кассета без названия (та самая!). Но почему тогда в материалах дела 1985 года она проходит как-то по периферии и даже в экспертном заключении детально не описана? Ее бы, как знамя, поднять обвинению!..

И еще одно нарушение УПК (я привожу лишь некоторые, а сколько их было всего!). Следова-

тель Бобочин, обыскав квартиру и составив опись изъятых кассет, не удосужился их опечатать. И лишь спустя полтора месяца они были переданы на экспертизу. Что происходило в это время с записями — вот что интересно!.. На вопросы адвоката Г. Каджардузова Бобочин отвечал:

— Каждая кассета опечатывания не требует... Она в пластмассовом корпусе. Это исключает подмену в наших условиях(?).

— А знаете ли вы, что звуковую компакт-кассету или видеокассету можно переписать?.. Или стереть?

— ...Я таких фактов не знаю, не сталкивался(!).

Детский сад, да и только!

«ПОРНОГРАФИСТЫ» И ОХРАНИТЕЛИ

Порнографистами назвал редакцию «СЭ», авторов статьи «Суд да дело» и сотрудников ВНИИ киноискусства заместителя начальника следственного отдела Ярославского облисполкома В. Алькаев. Наш разговор состоялся, когда я приехал в Ярославль по редакционным делам и заодно зашел в Управление внутренних дел, чтобы узнать о сроке окончания затянувшегося расследования. В. Алькаев был уверен, что мы защищаем заведомых растлителей советского народа, разрушителей общественной нравственности, спрашивал, не были ли мы знакомы с Заседателевым и Панковым раньше. Прощаясь, он, чуждый сомнениям, заявил, что, если обвиняемые будут оправданы, следственные органы опубликуют порочащие их сведения. Вот так, смело, не боясь, что у журналиста может быть с собой магнитофон, следователь заявляет, что пойдет на нарушение закона. Чтобы сказать такое, надо быть или очень наивным, или уж очень уверенным в мощной поддержке сверху. В пользу последнего говорят методы, которыми действовали следователи и при первом, и при втором расследовании дела.

«Я хочу сказать о допросе 1985 года. Об условиях, в которых он происходил. Меня взяли на улице, когда я гуляла с ребенком. Ребенку было 11 месяцев. Я предупредила об этом мужчину, который за мной приезжал. Но он ответил, что приглашает меня только на 15 минут. А следователь Бобочин продержал более двух часов. А ребенок все это время лежал в коляске на морозе, и никто даже не знал об этом... Бобочин угрожал, что, если я не подпишу показаний против Заседателя, он устроит так, что меня исключат из института» (из показаний в суде свидетельницы Н.).

Вот так допрашивали свидетелей (не обвиняемых!) в 1985 году. А как в 1989-м?

Из следственного отдела Ярославля во ВНИИК пришла бумага с просьбой выдать кассету с фильмом «Папайя» для повторной экспертизы. Но такой кассеты в институте нет — после экспертиз, проводимых по просьбе следственных органов и по их материалам, кассеты высылаются обратно. Казалось бы, на нет и суда нет. Но не тут-то было. В институт явились сразу оба следователя — И. Солнышков и Н. Михеев. За кассетой. Узнав, что ее нет, они первым делом пригрозили... произвести обыск в институте. Начали допрашивать сотрудников, не имеющих ни малейшего отношения к делу, а И. Зевинцеву, подписавшую в свое время ответ института, пригласили якобы для консультации и три часа допрашивали «под протокол». Спрашивали, в частности, у кого из работающих в институте имеется личная видеотехника (?). Ничего не добившись, уехали взбешенные, пообещав на прощание директору института А. Адамовичу и его заместителю А. Нуйкину «вывести их на чистую воду».

...И вот новое слушание дела. Умело и беспристрастно вел его народный судья Е. Руденко, внимательно прислушиваясь как к доводам обвинения, так и к аргументам защиты. А когда стало ясно, что позиции обвинения ру-

шатся, что ни одно из доказательств вины Заседателя и Панкова не выдерживает критики, государственный обвинитель В. Глазунова предложила направить дело на дополнительное расследование. Суд удовлетворил ходатайство, потребовав, в частности, в своем постановлении служебного расследования методов, которыми действовало следствие. И хотя до конца было еще недалеко, становилось ясно, что процесс медленно, но верно выходит на финишную прямую.

КОНЕЦ ФИЛЬМА?

Но «игра в детектив», как вскоре выяснилось, была еще не закончена. Областной прокурор К. Федоренко принес протест на судебное решение. Областной суд протест удовлетворил. Дело вернули в Кировский районный суд, поручив его тому же судье — Е. Руденко.

А тем временем то ли В. Альяев выполнил свою угрозу, то ли газета «Северный рабочий» (о ней мы тоже упоминали в предыдущем материале) сама решила вступить в схватку. 15 октября 1989 года она опубликовала статью «История с порнографией», подписанную Н. Портновым, который полемизировал с «Советским экраном». Полемика — вещь хорошая, если ее вести честно. Но вот что утверждает Н. Портнов (он, кстати, был участником экспертизы, проведенной следствием в 1989 году): «После возбуждения уголовного дела на квартире гостя-москвича (Панкова. — Б. П.) был найден целый ворох порнографической продукции — игральные карты, фотографии, литература». И еще: «Мягко говоря, вызывает недоумение и та настойчивость, с которой В. Боров и на страницах «Советского экрана», и в заключении экспертизы, проведенной при его участии в январе этого года, отстаивает злополучную «Папайю». Эта кинострепня выдается чуть ли не за образец фильма «о борьбе африканцев с белыми колонизаторами» и, оказывается, «не содержит признаков порнографической продукции...»

На самом же деле В. Панкова никто не обвинял в хранении каких-либо порнографических материалов, кроме видеокассет. Да и Боров никогда не считал «Папайю» фильмом высоких художественных достоинств.

Кстати, интересно было бы узнать, откуда получил Н. Портнов экспертное заключение В. Борева, если оно, как мы помним, к материалам дела приобщено не было?

...Наконец, судья Е. Руденко оглашает приговор: Ю. Заседателю и В. Панкову оправданы за отсутствием в их действиях состава преступления. Закончен многолетний судебный марафон по делу, не стоившему в общем-то выеденного яйца. Искалечены судьбы людей, замарано их доброе имя, конфисковано имущество. И все же, при всей драматичности, эта история вряд ли получила бы такой резонанс, если бы она была единична. Но вот выдержка из Информационного письма Прокуратуры СССР прокурорам республик, краев, областей «О практике применения уголовного законодательства об ответственности за распространение порнографических предметов и произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости». В нем, в частности, говорится «о грубых нарушениях закона, допускаемых в ходе расследования и судебного рассмотрения дел указанной категории, что приводит к многочисленным фактам необоснованного осуждения граждан». В ряде республик, краев и областей «почти 60% осужденных... привлечены к уголовной ответственности при отсутствии законных оснований». И, наконец, «в подавляющем большинстве случаев экспертные заключения в силу научной несостоятельности не могут служить источником достоверных доказательств».

Что и требовалось доказать.

Борис ПИНСКИЙ,
спецкор «Советского экрана»

Ярославль — Москва

Рубрику ведет Юрий БОГОМОЛОВ

И НА ОБЛОМКАХ ОЧЕРЕДНОГО САМОВЛАСТЯ...

Выбравшись из-под обломков самовластия командно-административной системы, думаем, чьи бы имена на них написать...

Недавно ТВ подсказало одно из них — П. Когана, режиссера-документалиста, ретроспективу фильмов которого можно было увидеть на телеэкране в воскресные дни марта.

Вообще-то март был богат телесобытиями: внеочередной Съезд, шумные конкурсы (например, «Дочки-матери»), азартные викторины (к примеру, «Счастливый случай»), вечер японского телевидения, а также прочие шоу, фильмы и спектакли.

Надо было быть либо совершенно праздным человеком, которому абсолютно нечего делать, кроме как с утра до вечера глазеть в «ящик», либо человеком, жадным до реальности, как внешней, так и внутренней, чтобы применить в красочном видеопотоке «Взгляните на лицо», «Скоро лето», «Секретный заказ», «Профессия: оператор» и другие простые ленты о простом советском человеке.

Правду сказать, пишу об этом менее всего затем, чтобы воздать должное автору. Пишу из любопытства к тому времени, в котором сам еще недавно барахтался, не в силах нащупать под ногами твердую почву.

Сейчас принято задавать вопрос: «Что с нами происходит?». А надо бы для начала спросить: «Что мы такое?».

Хорошо помню, что производило впечатление открытия в документальных картинах про передовиков производства и партийных работников. Это когда герой нечаянно улыбнется, смахнет непрошеную слезу, скажет «в простоте» несколько слов, то есть когда обнаружит признаки жизни.

Не в том даже дело, насколько хороша лента «Взгляните на лицо», где кинокамера подглядывает за теми, кто задержался у Леонардовой Мадонны. Но в том, насколько показателен самый замысел картины для страны, где нечаянная естественность, просто улыбка — такая же достопримечательность, как и шедевр мировой живописи.

«Взгляните на лицо» — аттракцион бескорыстной, непроизводственной, аполитичной и в этом смысле «асоветской» человечности.

То был трудный и во многом рискованный аттракцион.

Намекать советскому гражданину, что он человек, считалось политической бестактностью, граничащей с проповедью абстрактного гуманизма, которая, в свою очередь, граничила с антисоветской деятельностью.

А что тогда было высшей добродетелью? Чего хотела командно-административная система от искусства и документалистики?

Сегодня на этот вопрос можно ответить, как говорится, без эвфемизмов: она хотела увидеть в качестве образца для подражания неказенно казенного человека, такого человека, которому вроде бы все человеческое не чуждо, а в то же время — и ни к чему.

В строители котлована под здание коммунизма вербовался человек целесообразный, как машина, но с человеческим лицом.

Таковыми мы сегодня представляем инопланетян — человекоподобными механизмами.

Но это научно-фантастический вариант. А есть фольклорно-сказочный аналог — Снегурочка.

Сколько за минувшие годы было сочинено положительно-прекрасных снегурочек и снеговиков, которые только и могли в условиях затянувшейся зимы обманывать нас относительно своей жизнестойкости...

Пришла настоящая весна, за ней — жаркое лето, и от всех этих образов активных общественников, всезнающих партработников, всемогущих ударников производства остались туманные воспоминания.

Этот призрачный народ сгинул, но нельзя сказать, что нам от него было ни жарко ни холодно.

О том, насколько жарко и насколько холодно бывало, и рассказывает такая лента, как «Скоро лето».

Это вроде бы всего лишь зарисовка производственных будней коллектива карамельно-шоколадной фабрики, но я-то ее смотрел как

притчу. На экране развертывалась история противоборства живого и неживого.

Неживое — лекция о любви и браке, конвейер, станки, котлы и прочие примитивные механизмы...

Живое — лица пожилых и молодых работяг, улыбки, печаль, окна домов, зажигающиеся по вечерам и угасающие к ночи...

Человек при деле, при мотле, при серпе, при слове. Насколько это возможно, он утилизирован и подчинен неживому. И только в перерывах, в паузах между рабочими операциями и в разговорах о повседневности, о прошлом, о возможном будущем ютятся остатки живой жизни, которым и отдал свои симпатии и с которыми связал свои надежды режиссер.

Простой советский человек был по крайней мере дважды закабален: словами о светлом будущем и делами, которые его никуда не подвигали.

Он был дважды обманут по крайней мере. И он, конечно, дважды, как минимум, Герой Советского Союза.

Герой каждый, кто дожил до крушения очередного самовластия.

Маяковский в конце своей счастливо-несчастливой жизни обмолвился, что он сердцем до апреля ни разу так и не смог дожить; сердце поэта застревало в марте.

Может быть, нам повезет больше. Может быть, нам уже повезло, и мы сердцем, пока только сердцем, дожили до теплых, обнадеживающих денечков.

Последней в ретроспективе стала картина об операторе Сергее Урусевском — «Профессия: оператор».

Эта лента — тоже документальная притча о свободном и живом человеке, сумевшем сердцем дожить до освобождения. Он воспел первую оттепель — «Летят журавли». Познал цену общественным заморозкам — «Неотправленное письмо». И сотворил миф о вечной весне — «Я — Куба».

Но сама его жизнь и работа — это пример торжества живого над неживым.

Это пример, убеждающий в том, что все-таки машина произошла от человека, а не наоборот.

Натиск американских картин был стремителен и неудержим. В конкурсе шесть фильмов от одной страны! Почти треть экранного времени! Не охота, а облава! И три берлинских «Медведя» безропотно отправляются за океан.

Что мы могли противопоставить этой мощи, умноженной на аплодисменты всех континентов и авторитет номинаторов «Оскара»? В конкурсе участвовали две наши картины — одна из них отхватила «Серебряного медведя». Были награды в других программах, был общий устойчивый интерес прессы и знатоков. В общем, потесненные с авансцены фестиваля, мы не потеряли лицо и, как теперь принято

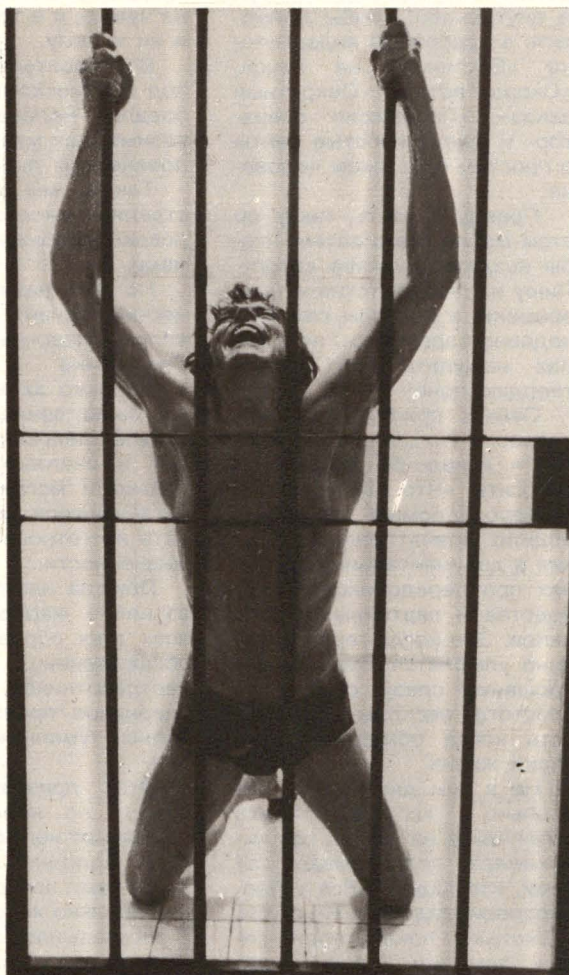
БЕРЛИН-ОТКРЫТЫЙ ГОРОД

говорить, не поступились принципами.

Дружно и энергично заявили себя немецкие кинематографисты, причем из обеих Германий. На их счету два «Серебряных медведя».

Главный приз — «Золотой берлинский медведь» — оказался поделенным. Американская «Музыкальная шкатулка» и чехословацкая «Жаворонки на нити» — очень разные картины.

Но в лице их авторов общественность Европы поддержала дух бунтарства. В свое время Коста-Гаврас касался чешской темы: по книге Артура Лондона он поставил «Признание». Сегодня в Чехословакии происходит восстановление идеалов «Пражской весны». Картина Менцеля — ироничный рассказ о том, как в 50-е годы в исправительно-трудовой колонии Кладно «перевоспитывали» буржуазных «недобитков». С 1969 года фильм покоился «на полке». Этим двум режиссерам есть что рассказать друг другу.

«Шофер мисс Дейзи».
Морган Фримен и Джессика Тэнди

«Беззвучный крик».
Йен Глен (Великобритания) —
приз за лучшую мужскую роль

...Рухнула Берлинская стена. Ее остатки в районе Бранденбургских ворот демонтировали уже при нас в один из дождливых дней февраля. Сегодня кусочками стены торгуют как сувенирами. И впервые за фестивальные сорок лет программа показывалась по обе стороны бывшей стены.

Ничего удивительного, что юбилейный «Берлинале» собрал тьму народу. Западноберлинский фестиваль, который всегда славился своей прекрасной организацией, порой с трудом выдерживал такой напор. Западные журналисты сетовали, что, мол, каждое утро приходится стоять в очереди за билетами на просмотр. А нам так даже приятно — как дома. Пообщаться можно.

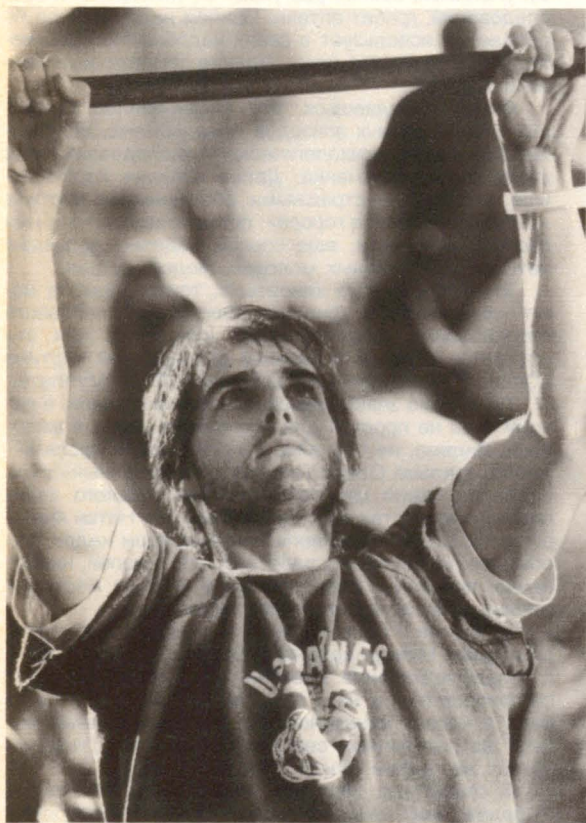
На улицах Берлина, особенно в районе Курфюрстендамм, Будапештерштрассе, где проходил фестиваль и где сосредоточены крупные магазины, шумно. У входа в зоопарк — длинный хвост. И метро стало напоминать московское. И родные «Жигули» (понятно, из Восточного Берлина) снуют там и сям.

Кинофестиваль проходил под негласным девизом: Восток — Запад. Могло ли сегодня быть иначе? Здесь, в центре обновляющейся Европы? На фестивальных дискуссиях основные споры именно на эту тему. Есть, скажем, кино ГДР, отличающееся от кино ФРГ. Как будет происходить их слияние? В Болгарии, Чехословакии, Румынии — везде свои специфические проблемы, но есть и одна общая: как сохранить национальную кинокультуру при выходе на мировой кинорынок?

Очень хорошо была принята картина Сергея Рогожкина «Караул»: она получила приз имени Альфреда Бауэра «за открытие новых перспектив в искусстве кино» и — что совсем неожиданно и приятно — приз ФИПРЕССИ.

Картина Киры Муратовой «Астенический синдром» была, конечно, нашей гордостью. Очень хотелось, чтобы ее поняли: ведь и длинная она, и непривычная для восприятия, и построенная на наших реалиях, диких и безумных для человека с нормальным, несдвинутым сознанием. По Муратовой, общая кризисная ситуа-

РУШАТСЯ СТЕНЫ

«Рожденный 4 июля». Том Круз

«Музыкальная шкатулка»

«Жаворонки на нити»

ция у нас как бы обнажена: одичавшие люди кидаются друг на друга или пребывают в полуплетаргическом состоянии — ничего не видеть, ничего не слышать! Фильм признали: «Серебряный медведь» западноберлинского фестиваля — награда высокая. И все же многое, именно **наше**, к досаде, уходило, о чем, например, свидетельствовали наивные и смешные вопросы на пресс-конференции. Серьезными конкурентами американцам были немецкие картины. Политическая сатира «Ужасная девочка» Михаэля Ферхёвена (ФРГ), получившая «Серебряного медведя» за режиссуру, рассказывает о том, как проникает в архивы Третьего рейха смешная большеглазая девица, раскрывающая преступления своих достопочтенных земляков — жителей маленького городка в Баварии. Другой серебряной награды была удостоена умная и серьезная лента Хайнера Карова (ГДР) «Высвобождение», которая, может быть, впервые (во всяком случае, в восточноевропейском кино) без ажиотажа и истерии, без нездорового любопытства заговорила о проблеме гомосексуализма.

Что же представляла собой американская программа? Сентиментальная история шестерки милых дам, героинь фильма Герберта Росса «Стальные магнолии», показанная в «Цоо-Паласте» на открытии, признаюсь, большого интереса во мне не вызвала, несмотря на участие в ней звезд разных поколений, от Шерли МакЛейн и Салли Филд до Джулии Робертс. Черная комедия «Воина Роуз» — о войне полов, поставленная Денни Де Вито, известным актером-комиком, со звездами Кетлин Тернер и Майклом Дугласом, показалась странной и разностильной. Опять же: нам бы их проблемы...

Чего не отнимешь у американских картин — тихого уважения к любому человеку, любой национальности или расы. Как, например, в ретрокартине «Шофер мисс Дейзи» Брюса Бересфорда, которую украсил пожилой актерский дуэт — Джессика Тэнди и Морган Фримен. Они и получили «Серебряного медведя» — именно так, в паре.

Лучшая, по признанию жюри и большей части критиков (я к ним всецело присоединяюсь), картина американской программы — «Музыкальная шкатулка» Коста-Гавраса, картина простая, человечная, сделана она целиком в американской традиции. Коста-Гаврас — не первый и уж, наверное, не последний — пытается найти ответ на вопрос: какова степень вины отдельного маленького человека, ввернутого в водоворот исторического безумия? Эмигрировавший когда-то из Венгрии в США Майк Ласло обвиняется как военный преступник. Его дочь-адвокат берется его защищать. Выясняется, однако, к ее ужасу, что отец действительно служил во время войны в частях СС и был печально известным злодеем «Мишхой». Но ведь прошло столько лет: Ласло — уважаемый гражданин, у него любящая дочь, внук, память о матери, замученной в концлагере...

Ближе к концу конкурсная программа вдруг взорвалась лентой Оливера Стоуна «Рожденный 4 июля». Когда на сцену выкатили коляску с Ронем Ковиком, ветераном вьетнамской войны, рассказавшим в сценарии о себе, зал не то взревел, не то взрыдал! Но критики поджимали губы: поверхностно, прямолинейно, вторично...

«Золотого медведя» Стоун все-таки получил, правда, не от жюри, а от дирекции фестиваля, «в знак заслуг» и так далее. Но такой заряд энергии идет от фильма, что я, например, скорее бы проголосовала обеими руками за это напористое, в чем-то наивное американское кино, чем за вялое, вымученное, бескровное (но многозначительно рефлексирующее) западноевропейское. Такова французская лента «Месье женщины», в которой нечего делать Изабель Юппер, таков же итальянский «Секрет», в котором делать нечего Настасье Кински...

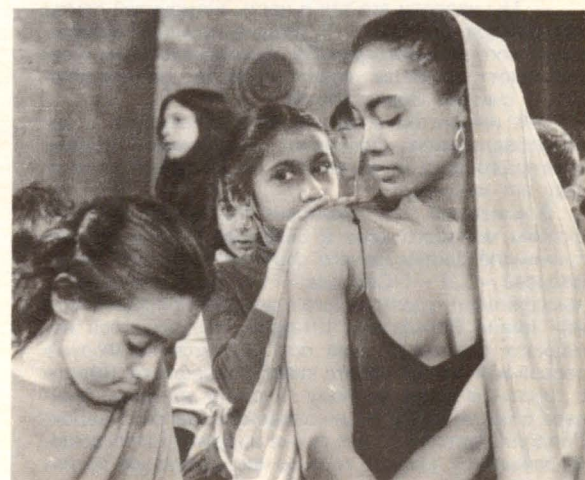
Но самое, пожалуй, яркое — и самое горькое — впечатление фестиваля — внеконкурсная картина, поставленная поляком Мацеєм Дейчером, «300 миль до неба». В ее основе реальная история о двух братьях Зелинских, 12 и 15 лет, которые бежали, спрятавшись на дне грузовика, из Польши в Швецию в 1985 году. Это пронзительный, хотя и тихий, почти беззвучный крик. Боже мой, что же должно было произойти с людьми, со всеми нами, если даже малолетние дети, хлебнувшие от социализма, бегут на привольный Запад? А потом эти дети, которым в лагере беженцев выдали яркие курточки вместо их унылых серо-мышинных пальтишек, звонят родителям. Плача и уже надеясь, что их вытребуют назад. Но мать и отец, бьющиеся за каждую копейку, страдающие за политические убеждения, кричат в отчаянии в трубку: «Никогда! Слышите? Никогда сюда не возвращайтесь!»...

...Поддавленная, возвращалась с просмотра по ночной Будапештерштрассе. Думала о поляках, которые сейчас расстанутся со своим прошлым, и о нас, которые вновь на задворках преобразований, проходящих в других социалистических странах. Ноги сами вывели к Бранденбургским воротам, где шли ночные гулянья. Рядом, у Рейхстага, покоятся в могилах несчастные, застреленные при попытке перехода границы с той стороны, — те, кто не дотерпел, не дожидая самую малость...

Каким будет следующий «Берлинале»? Директор фестиваля Мориц де Хадельн, во всяком случае, уверен, что будущее фестиваля «неразрывно связано с будущим Берлина и будущим двух Германий». Ну что же, значит, у этого демократичного, делового, приветливого фестиваля действительно большое будущее.

Евгения ТИРДАТОВА

Западный Берлин — Москва

«300 миль до неба»

«Ангелы» (Швейцария — Испания)

НОВОЕ ИМЯ, НОВОЕ СЛОВО

В передачах различных программ ТВ, уделявшего много места событиям и персонажам западногерманского фестиваля, отдавалось должное мастерству создателей фильмов — участников конкурсной программы киносмотр. Однако многие журналисты, кинокритики считали нужным подчеркнуть всю важность того, что происходило в кинотеатрах «Дельфи», «Арсенал», «Интернациональ», в кинозале западноберлинской академии искусств. Там демонстрировались фильмы Международного форума молодого кино.

В нынешнем году Форум отметил двадцатилетний юбилей. Однако его бессменные организаторы и руководители — супруги Ульрих и Эрика Грегор начали свою просветительскую деятельность в середине пятидесятых годов. Именно к этому времени относится появление серий блистательных критических статей Ульриха Грегора о немецком и мировом кино. Мировую известность получила принадлежащая его перу «История современного кино».

— Международный форум молодого кино был рожден в пору кризиса, что пережил в 1970 году западноберлинский кинофестиваль, — рассказывает У. Грегор. — Тогда распространился слух, что из конкурса фестиваля будет изъят фильм Михаэля Ферхёвена «О. К.». Картина резко осуждала войну во Вьетнаме. Стихийно возникли митинги, яростные дискуссии, собрания, на которых прозвучали требования создать иной, альтернативный киносмотр.

На этих собраниях «Друзья немецкой синематеки» выступили с программой создания киносмотр, на котором главенствовало бы искусство, а не коммерция.

На протяжении многих лет супруги Грегор руководят главным кинотеатром «Друзей немецкой синематеки» — «Арсеналом».

— Мы назвали его так в честь знаменитой ленты Александра Довженко. В разные периоды истории советского кинематографа в нем существовали и существуют арсеналы новых средств киновыражения, — считает Эрика Грегор.

Она инициатор и организатор проведения в западноберлинском «Арсенале» тематических недель советского кино, ретроспектив, посвященных творчеству его мастеров.

В нынешнем году аудитория XX Международного форума молодого кино в Западной Берлине тепло принимала фильм нашего соотечественника Сергея Бодрова «СЭР» («Свобода — это рай», киностудия «Мосфильм»), удостоенного единственной здесь премии имени Вольфганга Штаудте, выдающегося немецкого режиссера. Она присуждается на Форуме первой или второй работе кинематографиста. Вместе с дипломом единственному лауреату вручается конверт с чеком на 20 тысяч западногерманских марок. Предполагается, что эта сумма поможет начинающему режиссеру покрыть хотя бы часть расходов последней работы.

Наверное, и нашим киносмотрам не худо было бы перенять этот метод поощрения талантливых художников.

В программу XX киносмотр, кроме вышеупомянутого «СЭР», были включены лентфильмовские ленты «Оно» (С. Овчаров), «Кома» (Б. Горлов, Н. Адомейнайте), «Бумажные глаза Пришвина» (В. Огородников), «Посвященный» (О. Тепцов).

Ульрих Грегор говорил мне, что нынешние возможности Форума и несомненный интерес зрителей позволяют представить и большее число советских фильмов. Ведь 20 лет назад Форум молодого кино располагал кинотеатром на 600 мест. Сейчас это четыре современных, просторных кинозала, на 10 фестивальных дней принимающих более 80 тысяч зрителей. Зрителей активных, подготовленных, а главное, очень заинтересованных. На моих глазах рухнул стойкий миф о непонимании западными зрителями сугубо русских реалий щедринской прозы, нашедшей свое изобретательное и тонкое воплощение в фильме С. Овчарова.

И не имело значения, что среди создателей «молодых» фильмов был и сорокасемилетний Мани Кауль, замечательный автор чрезвычайно оригинальных индийских лент, в которых зрительный ряд поразительно переплетается с национальной музыкой, с древнеиндийскими традициями скульптуры, живописи, танца. «Дивидха», первая работа Мани Кауля, была отыскана и приглашена на Форум супругами Грегорами еще в 1975 году. Получившие широкую международную известность фильмы Мани Кауля «Дхрупад» (1984), «Мати Манас» (1986) также были впервые представлены на Форуме в Западной Берлине. А новую его ленту «Сидхештвари» (1989) сюда из многих стран мира съехались посмотреть знатоки и почитатели творчества индийского кинематографиста. Впрочем, в двухтысячной аудитории кинотеатра «Дельфи» преобладали, конечно, не они.

Сюда пришли в основном те, кто интересуется новым киноязыком, новыми эстетическими принципами, что осваивают в своем творчестве кинематографисты всех возрастов, всех континентов земли. А таких зрителей становится все больше. В том числе и на тех фильмах, что наши прокатчики отнесли бы к категории сверхсложных.

Впрочем, американская лента «Аптечный ковбой», поставленная независимым кинорежиссером Гасом Вэн Сантом, внешне вроде бы заключена в традиционные для кино США формы. Лихая четверка молодых наркоманов, пользуясь всевозможны-

«Городская жизнь»

«СЭР»

ми уловками, всякий раз уходя от полицейских преследований, грабит аптеки. Причем награбленное не продает, а использует в своих надобностях. Две молодые супружеские пары. Эдакие симпатичные Бонни и Клайды.

Скоро убеждаешься, что традиционные сюжетные схемы первых эпизодов понадобились создателю серьезного психологического исследования как своеобразная приманка. Далее следует изобилующая горькими и страшными обобщениями картина «расчеловечивания героев», постепенной потери ими свойств и качеств, еще совсем недавно делавших четырех обаятельных молодых людей людьми.

Элементы нового киноязыка, тонкого юмора могут возникнуть в фильмах Форума от забавного столкновения хрестоматийных киноцитат, как это случается в умной и веселой французской картине «Осада Альказара» кинорежиссера Люка Муллета.

Тут словно знакомишься с абсолютно новой, а потому пока не простой для восприятия школой живописи. Видимо, не случайно сторонником и пропагандистом фильма Олега Тепцова «Посвященный» стал владелец самой известной галереи русского авангардного искусства в Западной Берлине Натан Федоровский. Сложная, живописная в каждом кадре, необычная по киноязыку работа Олега Тепцова, несомненно, впитала в себя приемы и методы мастеров именно русской авангардной живописи.

Большими и малыми открытиями была наполнена программа Международного форума молодого кино в Западной Берлине. Десятки тысяч людей стремятся приобщиться к ним, свидетельством тому — очереди в кассах кинозалов или, скажем, полный аншлаг на полужночный сеанс в кинотеатре «Дельфи» на тот же фильм Олега Тепцова.

К открытиям Форума, несомненно, относился и более чем четырехчасовой фильм «Городская жизнь». Замысел его создания возник несколько лет назад на Международном кинофестивале в Роттердаме. Голландские продюсеры и режиссеры Дик Рейнке и Милдред Льюварден предложили группе кинематографистов разных стран (среди них Мринал Сен (Индия), Кшиштоф Кесьлёвский (Польша), Тато Котетишвили (СССР), Игл Пеннел (США), постановщики еще восьми государств мира) снять международный художественный фильм, который бы слагал киноновеллы, повествующие о каких-то важных для художников аспектах жизни городов Земли. В результате возникло интереснейшее кинопроизведение. В нем авторы восхищаются, любят, проклинают, высмеивают самые разные, подчас неожиданные, стороны существования своих родных городов.

Перед тринадцатью кинематографистами, принимавшими участие в осуществлении этого международного проекта, были поставлены единые условия: время действия каждой новеллы обязано уместиться не более чем в недельный срок, в любой из них должна идти речь о гибели «Титаника» в 1912 году, о бесчисленных планах подъема корабля из морской пучины.

Обязательное включение сюжета «Титаника» в любую из новелл мотивировалось следующим образом: «Титаник» по самой своей сути был городом, к гибели которого привели людская неосторожность, легкомыслие, гордыня. От него прямая линия к загадочным и по сей день причинам гибели древней Атлантиды.

Самым блистательным образом с этим «кинобури-ме», на мой взгляд, справился Кшиштоф Кесьлёвский. Его виртуозная по форме, очень мудрая и простая по содержанию новелла способна объяснить и оправдать глобальную скорбь, что испытывает автор в связи с определенными сторонами жизни соотечественников, и дать хоть какую-то надежду в сегодняшнем чрезвычайно сложном и запутанном мире. Снята она на том высочайшем профессиональном уровне, когда его абсолютно не замечаешь.

Интересны остроты сатирическая американская новелла о Хьюстоне Игла Пеннела и лирическое, вместе с тем до предела наполненное сегодняшними событиями грузинское повествование о Тбилиси Тато Котетишвили.

«Городская жизнь» смотрится сегодня как увлекательное, единое, перевитое прочими глубинными связями кинопроизведение. Не случайно его мировая премьера состоялась именно на Международном форуме молодого кино в Западной Берлине. Здесь не на словах, а на деле чтут любые попытки сказать новое слово в кинематографе.

Феликс АНДРЕЕВ,
спецкор «СЭ»

Западный Берлин — Москва

Лунатики ФЕЛЛИНИ

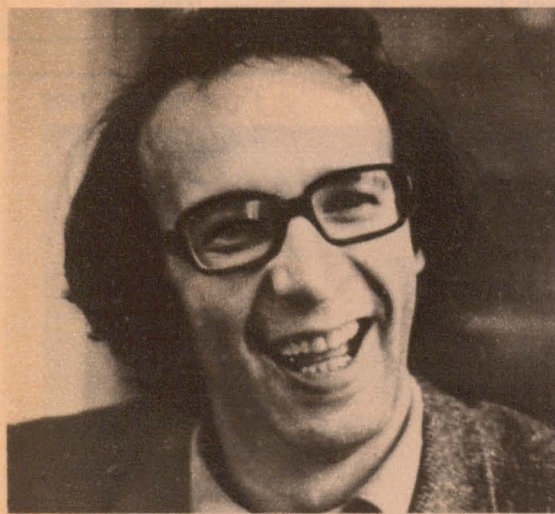
В Риме, в кинотеатре «Этуаль», состоялась яркая премьера фильма «Голос луны», о котором уже несколько месяцев с восхищением говорили те немногие, кому посчастливилось его видеть.

Фотографы не успевали перевести дыхание — столько известных кинематографистов собралось в зале. Торжественно вошел Федерико Феллини с Джульеттой Мазини. Он остановился в дверях и осматривал партер, затем иронически улыбнулся, поправляя шарф рубинового цвета и думая уже о том, как он в темноте покинет зал. «Останусь еще ненадолго, исполняя долг хозяйина, — говорит маэстро, — было бы невежливо сразу же уйти, но как только погаснет свет, я уеду».

Фильм, в котором, как говорит Феллини, он полностью доверился собственному воображению, явился произведением, снятым по роману современного писателя Эрманно Кавацони

Паоло Вилладжио и Роберто Бениньи

«Поэма лунатиков». Кавацони и Феллини вместе написали сценарий, хотя режиссер сказал, что сюжет этого фильма определенно исключительно уже после того, как закончились съемки.

Действие картины происходит в воображаемой итальянской провинции, чья архитектура создана художником Данте Ферретти, постоянно работающим с Феллини. Главные герои живут в городке, очень богатом разными человеческими типажам. Паоло Вилладжио играет бывшего префекта, отстраненного от дел и одержимого идеей раскрыть и предостеречь некий таинственный заговор. По признанию Феллини, «Голос луны» — прежде всего дань комическому призванию и той неистребимой любви к клоунаде, которой режиссер никогда не утаивал. А что же так влечет зрителей на фильмы Феллини? Видимо, то, что, по словам киножурналиста Марио Сести, «режиссер рассказывает нам не только о своих, но и о наших снах и кошмарах».

Вера НАРЫМОВА

нам пишут

125319
Москва
Часовая ул. 5Б
Советский
Экран

«Мой понял и вернулся»

...Вспомните фильм «Мужики». Там главный герой (его прекрасно сыграл А. Михайлов) не знал, что у него есть дочь. А когда узнал, то взял ее к себе, да не одну. А вот что у меня было в жизни. Встречалась с парнем, проводила его в армию и родила двойню. Он знал, уезжая, что я жду ребенка, но исчез, не писал. После армии у него семьи не было, гулял... И вот случайно посмотрел фильм «Мужики» и решил объявиться. Увидев моих дочек (им было уже по семь лет), решил остаться, тем более девочки были — вылитый отец. И зажили мы все вместе, а недавно я родила ему сына.

Спасибо за фильм «Мужики», и особенно мы благодарны А. Михайлову — мой-то понял и вернулся! Поместите, пожалуйста, фото А. Михайлова в вашем журнале.

Мы повесим эту фотографию на виду в комнате, ведь он решил нашу судьбу.

Роголевы Лена и Юра,
дети — Наташа и Люба, сын Саша
(в честь артиста),
г. Горький

Про козла

В последнее время языковая этика в наших фильмах (особенно молодежных) снизилась до языка арго, уголовного мира, до быдлацкого просторечия, нарастающего в обществе еще со времен Алексея Михайловича. Чтобы не быть голословным, возьму для примера фильм «Сыщик». Диалог на перекрестке. Водитель кричит мотоциклисту: «Нерычи!» Мотоциклист в ответ: «Мол-

чи, козел!» В течение почти года с уст молодежи не сходило это «крылатое» выражение.

Словесное хамство зародилось давно на экране. «Козел ты, а не дама!» («Афоня»). И уже в наши годы перестройки и гласности — «Люди — такие козлы!» (реплика главного героя фильма «Холодное лето пятьдесят третьего...»).

Что же вкладывают кинематографисты в слово «козел»? Чем безвинное парнокопытное заслужило такое внимание? Оно упоминается все в том же контексте в картинах «Соблазн», «Дорогое удовольствие», «Где находится нофелет?», «Воры в законе», «Случай в аэропорту», «Единожды солгав», «Асса», «Курьер», «Поджигатели», «Следствие ведут ЗнаТоки» («Мафия»)... Чемпионом стала «Маленькая Вера» — там крики «Козлы!», «Козел!» по количеству превзошли все фильмы последнего времени.

С. Савельев,
Красноярск

Она схлынет, страшная «новая волна»!

Никогда раньше вам не надоедала, но сейчас просто не могу не поделиться своей радостью. Хочется сказать спасибо, только вот не знаю, кому. А дело в том, что в один из дивных дней я увидела афишу и не поверила своим глазам: «Великолепная семерка»!!!

Не спешите улыбаться. Для меня и моих друзей-одноклассников это был не просто фильм, это была вторая жизнь. До сих пор существует наш «священный ковбойский союз». И вот 23 года спустя к нам вновь возвращается юность. Адресуем свою благодарность вам, потому что вы представляете необъятный мир кино.

Не удивляйтесь, что вспомнила старую картину. «Новая волна» со-

ветского кино пошла такая страшная, что теперь только спасаются фильмами двадцатилетней давности. «Маленькой Веры» и «Арлекино» вполне хватило, чтобы с опаской относиться к новым шедеврам. Беспросветность, кровавые кошмары и, простите, скука. Не стала смотреть «Иглу», «Трагедию в стиле рок», «Опаленные Кандагаром» — мне хватило мордобоя и в телевизионном ролике. Смешно читать, как создатели подобных фильмов обвиняют нас в тупости и нежелании «вдуматься и вчувствоваться». Не такая уж там космогония, а если с души воротит, то почему я должна в это «вчувствоваться»? Жить постоянно на грани истерии — это нормально.

Е. Филатова,
Крымск-1, Краснодарский край.

Неутомимые ножницы

Похоже, заверения наших кинодеятелей о прекращении купирования фильмов не выполняются. В программе «Фестиваль фестивалей», помню, посмотрел «Рэзтайм», он шел 2 часа 37 минут, специально засекал. Когда же он вышел в прокат в нашем городе, оказался короче на восемь минут. Была отрезана вся финальная хроника времен первой мировой войны. Но ведь в фильмах такого класса даже отдельный кадр может нести важную смысловую нагрузку.

Р. Мурсагимов,
Семипалатинск

«Глаза его говорят о многом»

Мне очень нравится американское кино. Не все, но лучшее. Я смотрела все американские фильмы, которые шли в нашем прокате, а теперь благодаря видео мои знания углубились. Правда, услуги видеосалонов очень дороги, но что поделаешь. Несколько лет тому назад я посмотрела на большом экране два фильма с участием замечательного американского актера Аль Пачино. Только сейчас, спустя 7 лет, мне удалось посмотреть «Крестного отца». И вот новое потрясение. Какая глубина! Какое вживание в образ! Он мало говорит, но глаза его говорят о многом. Кажется, вот предел актерских возможностей. Но фильмом «Лицо со шрамом» актер доказал, что для него нет пределов. Он играет потрясающе, словно последний раз в жизни.

Как жаль, что мы мало знаем об этом актере: две давние рецензии в «Советском экране» и заметка в «Спутнике кинозрителя».

В апреле Аль Пачино исполнилось 50 лет. Может, в журнале найдется место для статьи о нем?

Т. Случевская,
г. Горький

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕНИАМИНА

Л. ТРАУБЕРГ

«Искатели счастья». 1936

Это хорошее событие — выпуск на экран восстановленного фильма «Искатели счастья» с Вениамином Зускиным в главной роли. Только теперь, через много десятилетий, вспомнилось, а для многих впервые открылось, что в советском искусстве был такой замечательный актер.

Вспоминаю вечер 11 января 1935 года в Большом театре СССР, вечер торжественный и горький. 15-летие советского кино. Кинематографистов приветствовали деятели театра, общественные организации, люди, известные всей стране. Бурными аплодисментами приветствовали Бориса Бабочкина. Он при дружном смехе всего зала повторил полюбившиеся всем слова своего киногероя Чапаева: «На все, что здесь говорилось, наплевать и забыть, слушай теперь, что я скажу...»

Вслед за Бабочкиным на опустевшую сцену выбежали, нет, очень быстро пошли два человека, невысокого роста, необыкновенно смешные по виду, один впереди, другой за ним. Публика вновь захлопала: очень известны были эти два человека. Они быстро обошли сцену, остановились у самой рампы, глядя в зал с видом людей, решительно не понимающих, что, собственно, здесь творится. Ничего не сказали, кажется, только одно слово: «О!» И снова пошли кругом

сцены. Снова дошли до рампы, теперь на лицах их было не удивление, а просто категорическое непонимание. Казалось, они хотели сказать: «А что вы, собственно, здесь делаете, милые люди?» Присутствующие покатывались от хохота. Кажется, особенно весело смеялся сидевший в правительственной ложе человек, тоже невысокого роста, с усами.

Через тринадцать лет при совершенно непонятных обстоятельствах (увы, очень понятных) погибнет под колесами мчащегося грузовика человек, так смешно приветствовавший праздник, — известный всей стране и за ее пределами актер Соломон Михоэлс*.

Через тринадцать лет, в 1948 году, будет арестован и погибнет в лагере актер, шагавший тогда по сцене Большого за Михоэлсом, — Вениамин Зускин**.

Конечно, в тот торжественный вечер они, актеры театра ГОСЕТ,

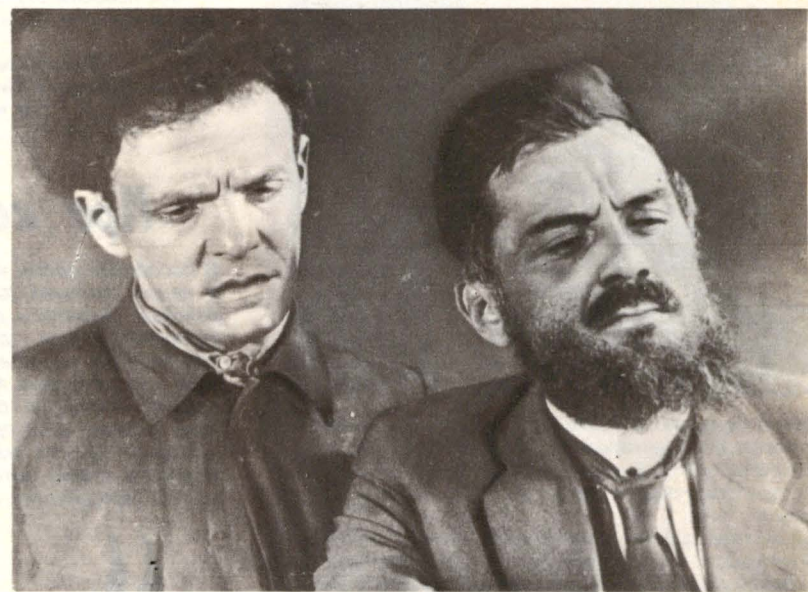
* См. о С. Михоэлсе «СЭ» № 4, 1990.

** См. «О так называемом «деле Еврейского антифашистского комитета» — «Известия ЦК КПСС» № 12, 1989.

Народный артист РСФСР Вениамин Львович Зускин (1899—1952)

«Граница». 1935

вовсе не думали о том, что страна великих послеоктябрьских достижений, страна, давшая жизнь и маленькому театру на Малой Бронной, театру превосходного юмора и трогательных чувств, уже переживает трагедию. Вероятно, и они, как вся аудитория, позволим себе сказать, как вся страна, испытывали радость за соседнее искусство. Увы, только соседнее.

Советское кино еще в немом периоде знало театральных актеров, органически вошедших в него; назовем хотя бы Ильинского и Баталова. Но было много актеров театра, к которым киностудии обращались очень редко. Не потому, что это были плохие или, как тогда выражались, нефотогеничные актеры. Всего лишь одну-две роли сыграл в кино великий мастер сце-

ны И. М. Москвин. Нельзя назвать удачными единичные роли таких непревзойденных мастеров, как Качалов, Чехов, Леонидов. Михоэлс снялся по большому счету только в одной картине — «Еврейское счастье». Все, что было потом, мелкие случаи.

Фильм не принес лавров ни привлеченному из театра режиссеру, ни Михоэлсу. Стоит отметить, что в фильме было два поразительных момента: надписи, великолепно подобранные из произведений Шолом-Алейхема И. Бабелем и блестящий кадр — маленький, не приспособленный к жизни человек мечется по ступеням гигантской одесской лестницы, через год поразившей мир в фильме Эйзенштейна.

С появлением звукового кино актеры театра буквально заполонили экран. Были среди них поразительные артисты: Бабочкин, Черкасов, Симонов, Марецкая, Чирков.

В 1936 году появился фильм «Искатели счастья». В нем одну из главных ролей сыграл Вениамин Зускин. Рядом с ним в фильме играли и другие превосходные актеры: Блюменталь-Тамарина, Борис Жуковский. Играли они предельно хорошо. И все-таки без самовыпячивания, без попыток отеснить всех других больше всего запомнил герой (добавим, вовсе не положительный) В. Зускина. В отличие от картины «Еврейское счастье», так сказать, «неполучившейся», фильм режиссера В. Корша-Саблина «получился» и имел большой успех. Основным сюжетным моментом в картине был приезд из капиталистической страны в Россию большой группы евреев, желавших трудиться в Биробиджане, на советской земле. И был среди этих «искателей счастья» смешной, невысокого роста человек по имени Пиня. Его играл Зускин. Скажем прямо, играл замечательно.

Пиня в отличие от других переселенцев как будто даже не знает, зачем едет в этот далекий биробиджанский колхоз. Впрочем, нет. Он надеется. Надеется раздобыть то самое счастье, которого, нет сомнения, был лишен за кордоном. Надеется найти 200 тысяч на тротуаре, стать кумом Ротшильду и другим американским миллионерам. Его основная мечта — купля, продажа, деньги и собственность, созданные не трудом, а капризной фортуной. Такого Пиню легко было сыграть, нажимая на все педали, ведь сразу становилось ясно, каков этот человек. Но Пиню играл Зускин, играл так, как мало кто мог сыграть.

Здесь позволю небольшое отступление. Память возвращает меня к театральным впечатлениям. Я видел Вениамина Зускина на сцене в самом расцвете его невероятного творческого дара.

...ГОСЕТ с успехом поставил ряд популярных пьес старого еврейского театра, инсценировок любимых романов, современных пьес. В репертуаре были такие прекрасные вещи, как пьеса Гольдфадена «Колдунья», инсценировки прекрасных романов «Блуждающие звезды» Шолом-Алейхема, «Путешествие Вениамина III» Менделе Мойхер-Сфорима. Но, вероятно, самой известной была постановка в ГОСЕТЕ трагедии «Король Лир». Король — Михоэлс, шут — Зускин. Нет сомнения, оба играли «по-госетовски», не забудем, что лучшие

творения ГОСЕТа относятся к двадцатым и началу 30-х годов, когда не только у нас высоко ценилось новаторство, свое прочтение пьесы. Вряд ли Михоэлс соответствовал об обезумевшем короле. Игра Михоэлса поражала амплитудой приемов, все было преувеличено. И трагизм, и комизм, и нечто собственное даже эксцентризму. А рядом был шут — Зускин. Казалось бы, для него уже не преувеличением, а обязанностью были шутка, чудачества, гримаса. Из трех безумцев, скитающихся в лесах — Лир, Эдгар, шут, — последний должен был быть самым большим безумцем. Ведь в английском языке и «шут», и «безумец» звучат одинаково. Не нарушая общего стиля постановки, Зускин играл не шута, а человека. Он был воплощением ума и жизнелюбия. Фактически именно после спектакля ГОСЕТа все стали лучше понимать образ, созданный Шекспиром; одно из прекрасных воплощений этого понимания дано в фильме Козинцева...

В фильме «Искатели счастья» немало отличных качеств: игра Блюменталь-Тамариной, музыка Дунаевского, какое-то милое сердцу веселье людей, дорвавшихся до труда. Зускин не веселится, он даже не веселит публику, по существу, он рыцарь печального образа. Его счастье, может быть, и было счастьем шекспировских времен (Шекспир презирал это счастье, счастье наживы, Шейлок омерзитель), и все яснее стало миру, что «счастье», надежда на выигрыш в лотерее — крупнейшее несчастье планеты. Нет сомнения, мечта об удаче, скажем больше, об обогащении сопутствовала многим и многим изобретателям, ученым, просто людям труда. Но через века прошло глубокое убеждение, что счастливы тот, кто трудится, трудится, наслаждаясь этим. Герой «Золотой лихорадки» Чаплина до седьмого пота, до голода трудится в поисках золота; оно приходит к нему поистине нелепо, в последней части фильма — великая издевка над подобным счастьем.

От обратного это же доказывает герой Зускина Пиня. Не доказывает, а нагляднейшим образом показывает.

Да, это хорошее событие — выпуск на экран восстановленного режиссером В. Беренштейном фильма «Искатели счастья».

Но хотелось бы прежде всего снова горько вздохнуть: только теперь, через много десятилетий, мы узнаем, что в советском искусстве был такой замечательный актер.

Этому наплевать, этой незаконной забывчивости нас долго учили. Достаточно указать, что в вышедшей в 1988 году энциклопедии «Кино» имени Зускина попросту нет. Я вспоминаю, каким восторженным поклонником ГОСЕТа, именно Зускина, был Сергей Юткевич. Зускин был одним из самых любимых его актеров. Юткевич был и главным редактором упомянутой энциклопедии. Какие все-таки странные времена мы пережили! К великому, подлинному счастью пережили их. И стоит надеяться, что еще о многих, особенно актерских именах, мы вспомним. Они вернутся к нам, и, участь у них, новые люди, новые актеры будут создавать образы, достойные нашего кино.

В КИНОТЕАТРАХ — БЕЗ ПЕРЕМЕН

Итак, в третьем квартале вы увидите... Увидите обреченный на успех японский боевик «Обреченный на одиночество», посвященный мастеру каратэ. Увидите забавную американскую комедию «Кокон». Увидите индийскую музыкальную ленту «Сети любви» — эти «сети» завлекут прежде всего участием Митхуна Чакраборти. Увидите американский фильм «На тропе войны», индийский — «Храм любви»...

А теперь о том, что вы в третьем квартале не увидите. Увы, не судьба вам встретиться и в своем кинотеатре, и в кинотеатре подальше, и в самом далеком от дома с родными советскими фильмами. Не судьба! Нет, возможно, где-то и промелькнет знакомое название с родными именами в титрах. Но именно — где-то. И скорее всего картины эти так и останутся неувиденными.

На грустные размышления навел Шестой всесоюзный кинорынок. С одной стороны, кажется, научились торговать: впервые за короткую историю наших кинорынков возникла жесткая конкуренция между продавцами. И было их — продавцов — непривычно много: кроме недавно выделившегося в самостоятельную фирму В/О «Союзкинорынок», в торговых рядах обосновались государственные и хозрасчетные студии, объединения и даже какие-то загадочные организации вроде Донецкого филиала фонда культуры...

С другой стороны, итоги рынка подтверждают тенденцию, которая давно уже всех тревожит.

«Союзкинорынок» представил покупателям — киновидеообъединениям, облсовпрофам, молодежным центрам досуга 81 картину. О главных результатах я уже сказал: заказано 856 копий «Обреченного на одиночество», 809 — «Кокон», 665 — «Сетей любви»... На всю страну заказано 10 копий литовского фильма «День рыбы», 17 — «Подъема» («Таллинфильм»), 20 копий фильма «Дни человека» (Рижская студия). Не лучше дела и у картин из стран Восточной Европы: «Прокурор» (Болгария) — 19 копий, «Петух не запоет» (Чехословакия) — 15 копий. Ну а монгольская картина «Пошлите меня на фронт» будет растиражирована всего... в трех экземплярах.

Единственная советская лента, неожиданно для всех, в том числе, кажется, и для своих создателей, попавшая в лидирующую десятку, — фантастическая комедия украинского режиссера Н. Попкова «Допинг для ангелов» (551 копия, 8-е место), к герою которой попеременно являются то мафиози-искусители, то ангел-хранитель.

Отнюдь не желая обидеть авторов этой картины, замечу, что многие фильмы, художественная ценность которых, бесспорно, выше, фильмы прекрасных режиссеров, возможно, не столь зрелищные или вовсе не зрелищные, возможно, сложные для зрительского восприятия, но заслуживающие по крайней мере зрительского внимания, на кинорынке с треском провалились. 116 киновидеообъединений (из 154, принимавших участие в рынке) не заинтересовались прекрасной картиной казахского режиссера Е. Шинарбаева «Месь», 124 (!) — картиной «Бродячий автобус», поставленной старейшиной режиссерского цеха И. Хейфицем. И это несмотря на протекционирование этих фильмам — сознательное занижение цен на них.

Проще простого, конечно, обвинить во всем одних лишь прокатчиков, не способных свести концы с концами без коммерческих лент. Мне все же кажется, что поиск виноватых — дело не конструктивное. Тут требуется вдумчивый анализ всех сторон киножизни. Нужны ли советские фильмы советским зрителям (и что вообще им нужно), как и кому торговать ими, кому покупать?..

Как справедливо заметил на пресс-конференции директор В/О «Союзкинорынок» Л. Веракса, «прокатчику все время говорят, что он не умеет работать с фильмом, но никто так и не сказал ему, как надо это делать».

К. САШКО

Советский
Экран

№ 8 • 1990

КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА СССР
ПО КИНЕМАТОГРАФИИ И СОЮЗА
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
ОСНОВАН В 1925 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В 20 ДНЕЙ

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Редакционная коллегия:
Ф. И. АНДРЕЕВ
(заместитель главного редактора),
А. В. БАТАЛОВ,
Ю. А. БОГОМОЛОВ,
Б. В. ГОЛОВНЯ,
В. А. ГОЛОВАНОВ,
В. П. ДЕМИН,
А. М. ЗОРКИЙ
(ответственный секретарь),
А. А. МИНДАДЗЕ,
Т. О. ОКЕЕВ,
Е. Н. ПТИЧКИН,
Г. И. РЕРБЕРГ,
С. И. РОСТОЦКИЙ,
Э. А. РЯЗАНОВ,
А. К. СИМОНОВ,
А. Е. СУЗДАЛЕВ,
О. С. ТЕСЛЕР
(главный художник),
Л. А. ФИЛАТОВ,
С. И. ФРЕЙЛИХ,
К. Г. ШАХНАЗАРОВ

Художественный редактор
Л. Н. Гудкова
Оформление
С. С. Давыдова

№ 8 (794) — 1990 г.
Сдано в набор 05.04.90.
Подписано к печати 16.04.90.
А 07297.

Формат 70 × 108/16.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60.
Уч.-изд. л. 8,60.
Тираж 1 000 000 экз.
Заказ № 2167.
Цена 60 коп.

ПИШИТЕ ПО АДРЕСУ:
125319, Москва, А-319,
ул. Часовая, 5-б.
Телефон редакции:
152-88-21.

Фото, адреса актеров, ноты
и тексты песен редакция
не высылает.
Рукописи, рисунки
и фотоснимки
не возвращаются
и не рецензируются.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

На обложках —
актеры — победители
конкурса «СЭ»-89:
Елена ЯКОВЛЕВА
и Виктор ЦОЙ

Фото
Николая Гнисука
и Валентина Склярова

Лучший
актер года
ВИКТОР ЦОЙ

СОВЕТСКИЙ
Экран

60 коп. Индекс 70865